

«Проповедник должен говорить о том, что является его опытом Бога»³³⁹

Митрополит Антоний, вы известны как человек с призванием к евангелизации. Вы говорите, что пытаетесь евангелизировать «современного язычника». Кто этот неоязычник?

Я думаю, что большинство европейцев, то есть большинство из нас, — это современные язычники до некоторой степени. Мы вышли из культуры, которая была глубоко пропитана христианским мышлением, и в искусстве, и в музыке, и в стиле жизни, и попали в период, который мы иногда оптимистично называем «временем независимости» и даже еще более оптимистично «совершеннолетием» и «зрелостью», но который, к сожалению, соответствует положению, когда мы утратили свое прошлое, но еще не достигли настоящего, которое было бы другой культурой. Мы находимся в промежуточном периоде. Мы утратили наши христианские корни, но еще не укоренились в Евангелии по-новому. И я думаю, что когда люди говорят о постхристианском периоде, то они правы только на этом культурном уровне, потому что то, чем обладаешь в духовной области, не теряется.

Вы хотите сказать, что в вашей проповеди и учении можете апеллировать, скажем, к забытому христианскому подсознанию или к христианскому наследию, которое присутствует, хотим мы того или нет, в сознании людей?

Я бы сказал — нет. И я думаю, что это очень важный, очень позитивный момент — что можно не апеллировать к этому наследию, потому что, пока у нас есть какая-то возможность обращаться к прошлому людей, в частности к их культурному прошлому, слишком легко направить их по проторенному пути. Но если им приходится начинать все заново, выбираться из старой колеи, то они открывают Евангелие со всей свежестью, новизной и остротой. Я глубоко убежден, что апеллировать можно именно к этому абсолютному — нет, «абсолютный» неудачное слово, — к подлинной сути каждого человеческого существа. Если мы верим, что Бог сотворил нас в соответствии с Собой, способными быть Ему созвучными настолько совершенно, что мы становимся соучастниками всего того, что Он есть, включая Его Божественную природу, тогда мы можем обращаться именно к этим глубинам человека. Для меня не важен культурный фон: я часто говорю, что я рад ощущать себя не эллином, не иудеем, но варваром, не имеющим корней нигде, я, если хотите, скиф.

Вы несколько раз упоминали, что Евангелие всегда ново. Но для людей, которые слушают вашу евангельскую проповедь, некоторые слова — «Бог», «Христос», «Библия», «Церковь» — очень старые и привычны. Как вы преодолеваете проблему использования слов, которые отягощены прошлым, когда пытаетесь передать новизну Евангелия?

Я думаю, что новизна не заключается в словах. Можно использовать старые слова с новым чувством. Возьмите, например, поэзию. Прекрасное стихотворение может быть составлено из самых обычных, самых простых слов и все же передавать чувство новизны, свежести, откровения чего-то ранее неслыханного. Я убежден, что слова, которые употребляешь, должны время от времени обновляться. Например, мы все время пользуемся словами, которые в христианском словоупотреблении приобрели

специфический оттенок и потеряли всякое значение вне наших христианских интеллектуальных рамок. Я думаю, там, где возможно, следует избегать этого и пользоваться словами, которые просто доступны, полны смысла. Например, я часто говорю о *солидарности* Бога с нами. Вначале на меня нападали за это: «Это не богословски», «Что вы имеете в виду под солидарностью?», «Это слово, взятое из общественной жизни и политики». Я говорил: «Да, но это слово, которое всем понятно». Мы все понимаем, что значит стоять за кого-то или отступить от него.

И все же бывает такой период, когда говоришь определенными словами. Наступает момент, когда приходится использовать привычные христианские слова в таком контексте, чтобы они выступали рельефно, по-новому, чтобы люди не воспринимали их как старую песню. И вдруг, поставленные рядом с другими мыслями, они проявляются — как картина выделяется на стене, когда найден правильный фон.

Вы упомянули поэзию. Поэт может обновлять слова, потому что владеет тайной, называемой «вдохновение». Как может христианский проповедник найти эту новизну? Как проповедовать, чтобы слушатели почувствовали какую-то новизну жизни, новизну Евангелия?

Я не думаю, что есть какие-то приемы, потому что не может быть приемов для того, чтобы уловить Бога, сделать Его своим пленником. Но я верю, что, если проповедник никогда не разрешает себе, проповедуя, повторять мысли, которыми он пользовался в прошлом и отложил про запас, но говорит только о том, что в данный момент является его опытом Бога, тогда он может передать что-то.

Не говорите ли вы здесь о том, что суммируется в слове «молитва»?

Молитва? Да, если вы обозначаете словом «молитва» не упражнение, а некую ситуацию, какое-то отношение с Богом. Например, я всегда настаиваю на том, чтобы дьякон заранее читал в течение недели те места из Евангелия, которые он будет читать в храме в воскресенье, чтобы он продумал их, чтобы он не только умственно довел их до своего сознания, но облек их в плоть и кровь, чтобы, когда он читает, каждое слово стало для него живым. Тогда оно станет живым для всех слушающих. Я думаю, что, когда мы проповедуем, мы *не должны* направлять наше внимание на слушателя. Как сказал один из святых отцов, следует вонзить слово Божие в собственное сердце, как кинжал, как нож. И когда потечет кровь вашего сердца, это значит, что и еще чье-то сердце поражено.

Вы знакомы с академическим миром Англии и занимаетесь миссией среди студентов университетов. Насколько проповедь в этой среде отличается от проповеди рабочим или проповеди в стране, где большинство не имеет христианских корней?

Содержание моей проповеди — одно и то же. Это благая весть, притягательность Евангелия. В этом смысле есть целый ряд тем, которые следует доводить до всех, все они сходятся и в полноте выражаются в личности Иисуса Христа. Ясно, что с одним человеком говоришь не так, как с другим. Но это даже не вопрос среды. Мы говорим здесь с вами в таких выражениях, которые я, возможно, не употреблю, говоря с другим человеком, потому что сейчас говорим *мы*, идет обмен мыслями, чувствами между *нами*.

Но вот студенты... В настоящее время есть два типа студентов. Одни — либо через личное обращение, либо через свои семьи и общины — уже укоренены во всем, что составляет христианство. А есть такие, для которых весь этот мир совершенно неведом. Они знают слова, но за словами ничего не стоит. Мне случалось проповедовать на улицах,

в лондонских и абердинских доках, на улицах Оксфорда. И встречаются не только студенты, это может быть кто угодно. Докеры действительно очень отличаются от людей, которые случайно собираются группой вокруг вас в Оксфорде, так что невозможно говорить теми же самыми словами, на одном и том же профессиональном, культурном или литературном уровне. А кроме того, у меня бывают контакты с людьми, которые не принадлежат к христианской религии.

Но во всех случаях для меня существуют два основных момента — мое сердце и их сердце. Мое человечество, которое до некоторой степени, пусть очень малой, влито в человечество Христа, и их человечество, которое также частично слито с человечеством Христа. Мы встречаемся в реальной человеческой сущности, просто. И я стараюсь говорить от сердца к сердцу, пусть и выражаюсь несовершенно и приблизительно. Ведь большей частью я говорю на языках, которые для меня неродные, так что я не могу претендовать, будто говорю с высоким уровнем красноречия или знания языка.

Разрешите мне теперь задать вам очень прямой вопрос: для чего вы проповедуете благу весть? В чем для вас заключается цель благовествования?

Ну, это вопрос, на который легко ответить в общем, но его труднее проанализировать. Видите ли, я был совершенно диким неверующим лет до пятнадцати. Я никогда не читал Евангелие, никогда не держал его в руках, никогда не слышал о нем, я сделал все, чтобы никогда не попадать в церковь. Я был совершенно чужд этой области. В пятнадцать лет я впервые прочитал Евангелие — в момент глубокого отчаяния и негативизма, когда жизнь, люди не имели для меня никакого смысла, никакого значения — до такой степени, что я решил покончить с собой, если в течение года не найду какого-то смысла в жизни. Встреча лицом к лицу с Христом как моим Живым Богом, в личности живого, воскресшего Иисуса из Назарета, изменила абсолютно все. Вот об этом я и должен говорить: откровение смысла, воплощенного в Личность, откровение Истины, которая есть Некто, откровение конечной Цели, которая не где-то впереди, но уже тут и даже была прежде нас, две тысячи лет назад, откровение вечной Жизни, которая настанет не завтра, когда я умру, но которая уже здесь, потому что мы уже живем ею. И все это в контексте всего Евангелия с его «тесными вратами», его остротой, его отказом от всякого компромисса с тем, что не является провозглашаемой им истиной.

Разрешите мне отчасти сыграть роль провокатора. Тот опыт, который вы описали, столь личный, столь эмоциональный, — не открыт ли он для традиционной марксистской критики, согласно которой религия является лазейкой, позволяющей уйти от ответственной общественной позиции? Не сосредоточивает ли опыт такого рода внимание людей на собственном спасении, делая их тем самым эгоистичными, озабоченными лишь собственным духовным благополучием, безразличными к общей вере и жизни их страны и народа?

Нет, не думаю. В детстве, после революции, я чувствовал себя совершенно отчужденным и оторванным от всего, что было вокруг меня. Жизнь была такая, что я воспринимал человеческий мир людей, детей и взрослых, как опасные джунгли, полные врагов. И моя реакция на окружающий меня мир была такова: в этом мире можно выжить, только став совершенно бесчувственным и каменным, жестоким, как хищный зверь. Так что исходное положение было именно разобщенность и отрицание другого.

Когда я открыл Христа, то сразу открыл, что Бог есть Бог всех и каждого и что моя реакция на окружение неверна, потому что все те, кого я воспринимал как врагов и кого готов был ненавидеть всем сердцем, отвергать и уничтожать в пределах моих

возможностей, — все они были люди Божии, которых Бог возжелал и возлюбил, сотворив их, кого Он неизменно любит, хороши они или плохи, грозит ли им осуждение или они на пути спасения, распяли ли они Христа или были Его учениками. И я помню, что на следующее утро после этого первого чтения Евангелия я вышел, посмотрел вокруг себя и увидел мир совершенно преображенным: на каждого человека, от которого раньше я бы шарахнулся, я смотрел и говорил: «Он — Божий. Он мой брат. Мы едины». Так что из моего опыта я не чувствую разрыва между этим личным опытом и его общественным измерением.

С точки зрения марксизма, с точки зрения любого неверующего, я просто сумасшедший. Мне говорили это не раз, и я вполне готов, чтобы меня таким считали. Единственная загвоздка в том, что при всем моем сумасшествии у меня есть смысл жизни, у меня есть динамика, у меня есть радость, которой ничто не может меня лишить, и люди нормальные приходят ко мне посмотреть, как бы это стать сумасшедшим! А я вот не пытаюсь научиться у нормальных, как можно убить радость, убить смысл и убить чувство истины.

Молодые люди, которые через вашу проповедь приходят разными путями к замечательному опытному познанию Иисуса Христа, личной встрече с Ним, — становятся ли все они профессиональными религиозными деятелями или же они идут в профсоюзы, в политическую жизнь, в социальную, общественную борьбу, где они встречаются с проблемами не только личностных отношений, но и классовых?

Нет, они, конечно, не становятся все какими-то профессиональными религиозными деятелями. Это было бы слишком плачевно. Я думаю, что христианин должен присутствовать везде.

Вы знаете, что по профессии я врач, не богослов. Я никогда не был в духовной школе. Я пять лет был хирургом, пять лет занимался общей практикой. Вот мой фон. И в том, и в другом качестве я встречался с очень разными людьми. И вот, я думаю, что как для отдельного христианина, так и для христианской общины характерно то, что они — эсхатологическая реальность. Они являются присутствием вечности, будущего мира, окончательного итога истории — уже здесь, во времени. И именно в этом качестве мы должны присутствовать во всех планах жизни. Это очень важно. Я думаю, что в политике, в общественной работе, в медицине или где бы то ни было христиане должны быть не просто «партнерами», но людьми, которые обогащают еще и другим измерением. Не как люди, которые готовы, скажем, на основе евангельских заповедей делать все лучше или несколько иначе, чем другие, или с большей любовью, — все это неверно. Миллионы людей делают все лучше и с большей любовью, чем мы. Но мы можем вносить просто своим присутствием, не говоря ни слова об этом, такое измерение, которое является собственно божественным измерением, — вот в чем наше призвание.

Как вы отвечаете тем, кто говорит, что это «религиозная» проповедь? Какая разница между проповедью религии и евангельской вестью?

Прежде всего, я не стыжусь *религиозной* проповеди — не моя вина, если Бонхёффер сделал слово «религия» почти неприличным словом, а за ним другие последовали.

Если понимать под словом «религия» то, что оно означало в древнем мире или что под ним подразумевают люди, которые используют терминологию Евангелия, сохраняя при этом психологию идолопоклонничества, если религия — это система методов, и средств, и путей, которыми можно уловить Бога, и держать Его пленником, и заставить Его делать то, что нам хочется, тогда, конечно, у нас нет религиозной вести, потому что все

Евангелие — свидетельство тому, что такой подход неверен. Если понимать религию в таком смысле, то христианство — это не религия в том отношении, что у нас нет нужды доискиваться Бога и удерживать Его. Бог среди нас — Эммануил. Бог — один из нас, Иисус из Назарета, воплотившийся Сын Божий, ставший подлинно Сыном Человеческим. В этом смысле нам не нужно искать Бога где-то — Он среди нас, и не только в полноте Божества Иисуса, но и в полноте Божества Духа Святого, который дан Церкви и каждому ее члену, в присутствии и взаимосвязи с Отцом, как говорит об этом апостол Павел: *жизнь наша сокрыта со Христом в Боге* (Кол 3:3).

Вы употребили слово «Церковь». Какова роль Церкви как общины верующих в евангелизации?

Община верующих, по словам русского богослова Хомякова, должна быть организмом любви³⁴⁰. Церковь по своим функциям, динамике, видимой жизни должна быть образом, отражением внутренних отношений Лиц Святой Троицы со всем, что из этого вытекает: крест, и распятие, и слава вечной жизни. Церковь и каждый христианин нераздельны, потому что, как говорит об этом Уэсли, «отдельный христианин — не христианин». Быть христианином это значит быть членом Тела, потому что само Тело, о котором мы говорим, — это взаимоотношение любви. Любою из нас, кто сказал бы: «Я самодостаточен», отрицал бы любовь. Но первое, в чем Церковь могла бы, должна бы быть откровением Евангелия, — это беспримерная любовь. Скажем, Тертуллиан, апологеты. Они передают, что язычники, встречаясь с христианскими общинами, в изумлении восклицали: «Как эти люди любят друг друга!», что значило: «Откуда у них это качество внимательной, нежной, жертвенной, исцеляющей любви, которую мы не можем найти нигде больше?»

Вы являетесь членом Центрального комитета Всемирного Совета Церквей. Вы работаете в Христианской медицинской комиссии и в то же самое время ваше сердце горит желанием нести Благовестие Иисуса Христа. Какой бы вы могли дать совет — или хотя бы братское пожелание — Всемирному Совету Церквей?

Я думаю, что ВСЦ должен выйти из какого-то состояния запутанности или того, что мне кажется путаницей. Я ощущаю все время, что ВСЦ действует на двух различных уровнях и что эти два различных уровня не отождествимы друг с другом.

С одной стороны, мы — Христианский Совет Церквей, и наше призвание и долг в том, чтобы провозглашать Христа, нашего Господа и нашего Бога, провозглашать Евангелие во всей его полноте и целостности, не умаляя того, о чем оно благовествует, делая все выводы из этого, храня полноту веры, *однажды преданной святым* (Иуд 1:13). Но, с другой стороны, Всемирный Совет Церквей занимается — и законно, как организация христиан — всем, что составляет судьбу человечества, потому что, опять же по слову Тертуллиана, «ничто человеческое нам не чуждо»³⁴¹.

Есть много областей, где мы сталкиваемся с людьми, с которыми мы должны и можем сотрудничать, независимо от какой-либо их христианской основы. То есть мы не можем сказать, что не будем сотрудничать с данным обществом людей в деле помощи голодающим, пока не обратим их в свою веру, потому что тогда хлеб будет иметь другой вкус. Но на этом уровне следует приносить евангельское свидетельство, может быть, прежде всего сиянием христианской эсхатологической личности или блистанием христианской эсхатологической общины. А во-вторых, тем вышеестественным образом, когда мы можем трудиться жертвенно, любя сверх меры человеческой любви и совершенно самозабвенно, когда нас утверждают другие, потому что мы совершенно

забываем о самоутверждении. Наше свидетельство — не в разговорах с цитатами из Евангелия, а в евангельском духе. Мы должны быть дрожжами в тесте любой ситуации, любая ситуация должна обновляться добавленной в нее солью Евангелия. И поэтому я не думаю, что народ Божий — это народ, который имеет Библию на 250 языках, может прочитать ее другим или дать, ко времени или не ко времени, истинные или сомнительные выдержки из Евангелия. Народ Божий, как мне представляется на основании и Ветхого, и Нового Завета, это народ, который так укоренен в Боге, так знает Его личным опытом, что он мог бы написать и провозглашать Библию, а не только пересказывать и повторять ее. И пока мы не научимся такому подходу к нашему благовестию, пока мы не станем народом, который может по-новому провозглашать всю Библию (я, разумеется, не говорю здесь о том, чтобы заново «переписать» то, что написано в ней), неся библейскую весть людям, независимо от того, существует ли Библия физически или нет, — мы все еще не народ Божий. Мы просто люди, повторяющие сказанное другими, словно почтальон, который доставляет чужие письма. Этого недостаточно. Если бы мы были народом Божиим в истинном смысле, мы бы не раздражали людей бесконечными цитатами, которые им приелись и вызывают тошноту. Мы бы сами были откровением того, *что* должно быть явлено.

Слово пастыря³⁴²

9 февраля 1983 г.

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа» — этими словами начинается всякая проповедь слова Божия и всякое пояснение слов Господних, слов Самого Бога, ставшего человеком. И с каким благоговением должен проповедник произносить и эти слова, и то, чем он хочет поделиться с паствой Единого Пастыря, Единого Бога и Господа нашего. Но с каким благоговением и нам надо слушать это слово! Спаситель в Евангелии говорит: от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься (Мф 12:37). И в другом месте Священного Писания говорится: блюдите (то есть — берегитесь), как вы слышите слово Божие (Иак 1:22—25), ибо не слышатели слова, а творящие слово Божие спасаются и достойны называться христианами, то есть христовыми, собственными учениками Христа, Его друзьями, Его родными, приближенными.

Мы сегодня празднуем день святого Иоанна Златоустого; в одном из своих поучений он нам говорит, что воздавать честь святому одними молитвами, одними песнопениями церковными — недостаточно. Если мы действительно поражены величиим его жизни, его святым обликом, то и сами должны от него научиться, как жить, а не только восхвалять его за то, что он сумел быть верным последователем Христа. И это относится равно к нам, пастырям, и к вам, детям Церкви Христовой. Страшные слова говорятся в Священном Писании о пастырях недостойных: проклят всяк, творящий дело Божие с небрежением (Иер 48:10). Как страшно пастырям перед таким словом стоять и испытывать свою совесть! Как страшно думать, что словом он, может, крепок и истинен, но его жизнь свидетельствует о том, что он изменник Христу и обманщик людей. И как страшно слышать слова, которые я уже упомянул: от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься. На Страшном суде каждый из нас, пастырей, станет перед Господом, Пастыреначальником, Который жизнью Своей проповедовал, а не одним словом, и тогда услышит: сколько ты правды сказал, какие глубины ты познал из Евангелия, из учения святых отцов — а жил ли ты сам согласно тому слову, которое поразило тебя в сердце и которое ты проповедовал людям? Страшно думать о том, что каждый раз, когда священник провозглашает Божие слово, благовестие Божие о спасении, он становится перед судом Божиим и либо оправдается, либо осудится перед Христом за то, как он сам жил.

Но это относится в равной мере и к тем, кто это слово слышит: блюдите, как вы слышите слово Божие. Есть притча в Евангелии о том, как вышел сеятель сеять (Мк 4:3—20). Одни семена пали на каменистую почву дороги, где были сразу поклеваны птицами. Они пропали, и росток не родился, они погибли, они были напрасны. Неужели кто-нибудь из нас, слыша слово Христа о том, как Бог возлюбил мир, как Он нас учит жить, не вступит в путь заповедей Божиих, не сделает все посильное, чтобы жизнью показать Богу, что не напрасно Христос страдал и умирал на кресте ради каждого из нас? Вся жизнь наша должна стать знаком, свидетельством нашей благодарности Господу за Его любовь, за Его Страсть, за Его крест, за сошествие во ад ради спасения погибших — в ад земной и ад преисподний.

Другие семена упали на почву, которая была неглубока. Они быстро выросли, потому что почва эта была сырая и сразу их напоила влагой, но она была неглубока; корни быстро столкнулись с камнем, и росток, который мог бы дать такую богатую жатву, погиб, засох. Другие семена пали среди терний, среди сорной травы, и слабый росток был заглушен. Эта сорная трава, разумеется, — не вещественная трава наших полей и оврагов, это та трава сорная, которая прорастает в наших сердцах от нечистой, недостойной жизни: злоба, зависть, ревность, холодность души, окаменение сердца, забывчивость, небрежность — что только ни назовешь, страшно делается! И вот эти страсти, эти наши переживания, которым мы постоянно себя отдаем, которым раскрываем свое сердце, свой ум, свою память, которые волю нашу делают злой, — эти сорные травы так легко могут заглушить живоносное, чистое, прекрасное Божие слово. Потому что Божие слово — не просто слово, Божие слово не соответствует нашим каждодневным мечтам и желаниям. Бог нас зовет быть великими, быть чистыми, быть святыми, быть достойными той любви, которую Господь крестом проявил к нам.

Станем же мы той доброй почвой, о которой говорит Господь: все мы — и пастыри, и пасомые. Все мы дети Божии, за всех жил, учил и умирал Господь. Станем такой почвой, чтобы каждое слово пало и было воспринято не с восторгом, а с любовью, пустило бы глубокие корни. И когда будет прорасти первый росток вечной жизни, чистоты, святости, любви, веры, надежды — будем этот росток охранять всеми силами, чего бы это ни стоило, а стоит это порой дорого. Посмотрите на жизнь святых: как много они трудились, как героически они защищали, словно святыню, Божие слово. Будем и мы учиться у них. Но помните: пастырь будет таков, каково стадо, и стадо будет таково, каков пастырь, потому что мы составляем одно тело, одну жизнь, одну душу. Мы, пастыри, должны подкреплять каждого из вас живым словом правды и должны всей жизнью — и открытой нашей жизнью, и потаенной, той, что происходит в глубинах нашего сердца, — быть достойными того слова Божиего, которое мы провозглашаем. Но и вы, зная, что и пастырь — человек, что и у него слабость, должны всеми силами его ограждать от падения, от соблазна, от раздражения перед службой, от горечи, от того, чтобы казалось ему, будто напрасно он трудится и напрасно проповедует. Апостол Павел говорит, что верующие должны так заботиться о пастыре, чтобы он свое дело совершал с радостью, а не с вздыханием (Евр 13:17). Поможем друг другу: пастыри — святой жизнью, которая давала бы силу их животворному слову, слову Христа, а вы помогайте им вырасти в ту меру, к которой призывает нас Пастыреначальник Господь, — стать как бы иконами Спасителя Христа, прожить такой жизнью, чтобы верующие и неверующие могли увидеть в пастыре образ Спасителя, сеющего доброе слово и жизнь свою — всю, без остатка — отдающего за тех, ради которых умер Господь. Аминь.

Новогодний молебен

31 декабря 1988 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Встречая новый год, мы друг друга приветствуем словами: «С новым годом, с новым счастьем!» И часто мы думаем о счастье только как о материальном благополучии, о ласковых, счастливых отношениях в семье и с друзьями и забываем, что счастье порой бывает требовательным и строгим. Один русский поэт так его определил:

В чем счастье?.. В жизненном пути,
Куда велит твой долг идти;
Врагов не знать, преград не мерить —
Любить, надеяться и верить ³⁴³.

И если мы так подумаем о счастье, которого мы желаем себе и другим, то мы увидим, что первое, что нам предлагается, — это любовь. Но любовь — и как ликующая радость, и как предельный подвиг. Как ликующая радость — давать и получать от любимого самое драгоценное, как подвиг — готовность за любимых и нелюбимых отдать свою жизнь. Когда я говорю о нелюбимых, я думаю о тех, к кому у нас нет естественной привязанности, но кого так любит Бог, что Он Своего Единородного Сына отдал на смерть, чтобы они были спасены.

Подумаем, что значит любовь как ликование, любовь как крест, и вступим в новый год с намерением любить и надеяться — надеяться на все. Как говорит апостол Павел, *любовь на все надеется, всему верит, любовь никогда не перестает* (1 Кор 13:7—8). На все надеется: на исправление человека, который нас ненавидит, и даже на исправление нас самих. Надеется, что Бог нам даст время исправиться и другому даст время опомниться и стать новым человеком по образу создавшего его и спасшего Иисуса Христа. И мы тогда можем сказать: да, мы верим — верим в Божию любовь, верим в бесконечные возможности каждого человека, верим, что даже мы в нашей немощи, в нашем недостойнстве способны быть Христовыми учениками.

Мы вступаем в новый год. Озираясь на прошлый год, мы видим столько страшного на свете и столько горького в жизни многих, многих людей, включая нас самих. И вот, вступая в этот новый год, принесем Богу искреннее, сердечное раскаяние в том, что мы оказались недостойными Его учениками. Он нас возлюбил до смерти — и этого оказалось мало для того, чтобы переменить нашу жизнь. А если смотреть на то, на что был похож мир в течение последнего года или прошедших двух тысячелетий, то как больно делается! Подумайте, что за чуть меньше чем две тысячи лет было около трех тысяч войн одних христиан против других, не говоря о том, сколько было пролито крови людей, которые нам не единоверны. Для того ли нас послал Господь в мир? Так ли Он нам поручил принести Благую Весть о новой жизни? Подумаем о том, что мы сделали с творением Божиим, как изуродовали землю, как осквернили ее, как изуродовали все человеческие отношения — и личные, и общественные.

Взирая на прошлый год, я с болью в сердце думаю о том, как я оказался изменником Христу, как я перед каждым из вас и всеми вами и многими, многими другими людьми оказался изменником. Прошу вас, помолитесь о том, чтобы Господь мне дал время и потряс мою душу покаянием. Пусть это случится с каждым из нас, чтобы каждый из нас возродился — с одной стороны, через ужас о прошлом, с другой стороны, через ликование, что мы *так* любимы Богом и что так легко было бы любить друг друга, служить друг другу, быть внимательными, строгими и ласковыми одновременно. И вступим в этот новый год с намерением стать истинно учениками Христа и возлюбить друг друга всей своей жизнью. Аминь.

Проповедь в неделю перед Рождеством Христовым³⁴⁴

1 января 1984 г. Евр 11:9—10, 17—23, 32—40; Мф 1:1—25

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сегодняшние чтения из Апостола и Евангелия являют нам веру, верность древнего Израиля, народа Божия, и вместе с тем говорят о необычности путей Божиих.

В Послании мы видим ряд людей, мужчин и женщин исполинской веры, которые так поверили Божиему слову и Богу, давшему это слово, что готовы были жизнь свою и свою смерть отдать ради этого обещания, однажды данного их предкам и остававшегося неисполненным на протяжении тысячелетий.

И нам надо научиться этой верности потомков Авраама, которому Бог это обетование дал. Около двух тысяч лет целый народ жил всей верностью, на которую был способен каждый отдельный человек этого народа. Потому что слово Божие — правда, и как бы долго ни ждать его исполнения, оно остается правдой, и пути Божии остаются выше путей наших, и мысли Его — выше мыслей наших, непонятные, таинственные пути, но всегда верные. И в ответ на Божию верность целый народ явил способность быть верным обетованию, которое продолжало оставаться неисполненным до дня, когда Сам Господь пришел стать человеком, когда Сын Марии родился, подлинный Эммануил, «с нами Бог», Которого человечество ждало на протяжении всей истории.

А дальше — чтение начала Евангелия от Матфея. Иногда мы слушаем это чтение как-то нетерпеливо: в чем смысл этого списка? Даже ученые, изучавшие Ветхий Завет, не всегда могут сказать, кто именно скрывается под тем или другим именем. Но вот, неужели не вздрогнет наше сердце о том, что Господь Иисус Христос, Сын Божий, становясь человеком, приобретает длинную человеческую линию предков, что Он принимает на Себя человеческую наследственность, что каждое столетие, иногда — каждое десятилетие, приносило еще одно свойство, вплетая его в историю человеческой семьи, увенчанием которой был воплотившийся Сын Божий?

Когда мы читаем эти имена, многие из них нам известны тем, что это имена великих людей духа, которые поражают нас своей святостью. Но сколько среди них и людей сложной судьбы: Раав блудница, Вирсавия, бывшая жена Урии, силой взятая Давидом, Руфь чужестранка... В этой родословной святость и человеческая хрупкость, грех так переплетаются, что это должно бы поражать нас: как может Сын Божий принять на Себя человеческую природу, которую сплело столько рук, одни из которых чистые, другие запятнанные? И не только руки, но и души, и тела, и умы, и сердца. Все они, эти люди, перечисленные здесь, такие хрупкие и так порой отличающиеся от подвижников духа, описанных в сегодняшнем Послании, также были частью народа, возлюбившего обетование и жившего надеждой на него, каждый по своей силе или по своей хрупкости.

И дивно, что одно из имен, которыми Ветхий Завет называет Бога, это *огонь поядающий* (Исх 24:17), но этот всепожирающий огонь — не разрушительный огонь, а огонь, способный принять в себя все и все обратить в пламя: чистое, сверкающее, за пределом осквернения. Огонь питается и драгоценным деревом, и отбросами; когда пища огню в него брошена, она им принята и им изменена. И это — наша надежда, и это диво наше, что мы *можем* прийти к Богу, как Раав, как Вирсавия, как Давид, как Соломон, как Фамарь, как Манассия, как все эти люди, которые вспоминаются здесь за их хрупкость, но также и за их покаяние и за их верность: они поверили, что Бог Своего обещания не

нарушает и поэтому можно жить ради этого обещания, ожидая его исполнения в нашей ли жизни или через много поколений.

И однажды исполнилось это обетование: Бог пришел, Он — Эммануил, «Бог среди нас», «с нами Бог». Бог пришел, и Его имя, человеческое имя Иисус означает «Господь есть спасение»: обещание исполнено. Но не следует ли нам задуматься на мгновение о тех столетиях, когда люди жили ожиданием, так никогда и не увидев исполнения своей надежды, с такой верностью, с таким мужеством перед лицом опасности, готовые, если нужно, умереть, но не изменить своей вере, своей уверенности, что Бог верен?

Мы живем в мире обещания исполнившегося, это исполнение — Христос. Пришла для нас жизнь вечная, как зерно, которое несет нас в себе. И вот — где мы? Какова наша вера в другие обещания, какова наша верность Живому Богу, давшему их нам? Неужели мы не можем уподобиться самому хрупкому из людей Ветхого Завета и не можем постараться вырасти в меру самого великого из них? Они жили чаянием — мы живем в пределах уверенности вещей уже случившихся и в ожидании их исполнения — их полноты, в ожидании славного пришествия Господа, победы Божией, которая есть наша вечная жизнь и наше спасение. Сколько в этом вдохновения! Сколько мужества и надежды! Сколько радости мы могли бы, должны бы внести в жизнь: мы — народ Божий, но народ такого Бога, Который уже среди нас. Он — Один из нас, если только мы — Его. Какое это диво! Какая это радость и вдохновение! Аминь!

Рождество Христово

6 января 1996 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Из года в год возвращается светлый, всерадостный праздник Рождества Христова. И каждый год мы переживаем его содержание с новой силой, потому что с каждым годом он обогащается новым содержанием и новой радостью.

Священное Писание нам говорит, что так возлюбил Бог мир, что Своего Единородного Сына отдал для того, чтобы мир был спасен. Из опыта целой истории человечества мы знаем, что любовь достигает своей полноты, когда делается такова, что человек может отдать свою жизнь, свою душу для любимых. Чтобы отдать Своего Единородного Сына ради спасения отпавших людей, Бог должен был нас так крепко и глубоко любить! — и не только в прошлом, но и в настоящем.

Мне вспоминается, как во время войны офицер послал на смерть собственного сына, чтобы выручить других солдат. И некто ему сказал: «Как ты мог послать его, а не кого-либо другого?» И ответ этого офицера был: «Я посылал человека на смерть, я мог послать своего сына, но сына другой матери, другого отца я послать не мог». Этот человек действительно, реально пережил то, что совершилось с воплощением Христа Спасителя: Бог нас так возлюбил, что только Его Сын Своей смертью и Своей жизнью мог нас спасти — другого послать было нельзя.

О чем же говорит тогда эта любовь? Она говорит о том, что Бог верит в человека. Да, мы верим в Бога, но мы не верим Ему даже всей жизнью нашей, а Бог в человека верит всей жизнью и всей трагической, мученической смертью Своего Единородного Сына. На такую любовь — как нам ответить? Ответить мы можем, только приняв глубоко в наше сердце острие этой трагедии, острие ужаса о том, что из-за нашей греховности Сын

Божий, покоящийся в недрах Блаженного Отца, должен был стать человеком и умереть — умереть страшной смертью, о которой мы теперь тоже имеем представление из истории последних десятилетий, потому что — о Боже! — сколько мучеников легло по всей земле от ненависти и безразличия человеческого. Мы должны прийти в себя и понять, что на любовь Божию мы можем отозваться только покаянием, то есть должны взглянуть в себя, понять свою ответственность за воплощение и распятие Христа Спасителя и начать жизнь, которая была бы достойна Его жертвенной, крестной любви. И это может выразиться не только в великих деяниях, а изо дня в день, потому что сказанное в Евангелии о любви: никто не имеет большей любви, как тот, который душу свою, жизнь свою отдаст за ближнего своего (Ин 15:13), — мы можем применять постоянно. «Жизнь отдать» не значит «умереть», это значит в первую очередь посвятить всю свою жизнь тому, чтобы другому человеку стало возможно или легче жить, чтобы человек получил укрепление, и утешение, и отраду, чтобы человек и материально не умер перед нашими глазами, не голодал, не мерз на морозе, не был бездомным и брошенным. Это не значит — умереть смертью, это значит — умереть себе самому, забыть про себя и вспомнить про другого и соответственно поступать.

И так нас возлюбил Бог. Разве мы не можем в ответ на такую любовь отозваться переменной нашей жизни, начать строить и Церковь, и общество наше достойно этой любви? *Бог верит в нас.* Бог от нас всего ожидает, Он надеется на все, и Он любит нас жизнью и смертью Своей. Ради этого — станем мы достойны нашего Спасителя и себя самих, потому что Бог, любя нас так, провозглашает наше собственное достоинство, говорит о том, *что* мы для Него значим. Будем же достойны себя самих, Божественной любви и любви и жалости тех людей, которые нас окружают. Пусть это Рождество Христово будет для нас новым побуждением с новой силой, новой глубиной познать величие человека, потому что Бог, ставший человеком, нам показал, что человек так глубок, так широк, так бездонен, что может соединиться с Богом без того, чтобы умалить Бога или сгореть в пламени Божества. Вот кто мы, и вот кто Он. Будем помнить о величии человека в каждом из нас — не в себе самих, потому что в себе мы можем видеть и греховность, но вспомним об этом, когда будем глядеть на других людей вокруг нас, на тех, кто нам неприглядны, не дороги, безразличны, порой противны, остановимся и скажем: этот человек призван быть иконой, живой иконой Христа, он — храм Святого Духа, в него Бог верит. И Бог так в него верит, что Он Сына Своего Единородного отдал на смерть, чтобы спасти его, ее, их. Аминь.

Сретение Господне³⁴⁵

15 февраля 1982 г. Лк 2:22—40

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы сегодня празднуем Сретение Господне. «Сретение» — слово древнеславянское, которое значит на русском языке «встреча», а на сербском — «радость». И вот сегодня мы встречаем Господа с той глубокой и благодарной радостью, с которой Симеон Богоприемец Его держал на руках своих и видел в Нем осуществление всех древних пророчеств о том, что настанет день, когда рознь между человеком и Богом придет к концу, когда Сам Бог снизойдет к нам плотью как Спаситель наш, примиряя нас Своим воплощением, Своей жизнью, Своим учением и Своей смертью на Кресте с Богом нашим и Отцом. В празднике Сретения сливается одновременно и радость, и ожидание крестной смерти Христа.

Бывают праздники, когда душа так исполнена ликования, что рука не поднимается на мирской труд, но бывают и такие, что рука не поднимется, потому что сердце полно или скорби, или священного ужаса. Праздник Сретения Господня обе эти черты в себе соединяет. Встречает Христа Симеон Богоприимец, старый человек, проживший праведную жизнь, которому было Богом обещано, что он не увидит смерти, пока не встретит Спасителя мира, пришедшего совершить Свое дело примирения и преобразования мира. Вместе с ним свидетельствует об этой радости и Анна пророчица. Исполнилось ожидание не только Ветхого Завета, но всего человечества от начала мира, его желание, тоска, надежда о том, чтобы пришел Господь и уже не было бы непроходимой пропасти между Им и нами. Одновременно эти праведники ликуют о том, что не только прошлое, но и будущее теперь оправдано и сияет надеждой и радостью. Пришел Господь, и пришло спасение, пришла надежда, которой никакое горе, никакой ужас земной не могут погасить, потому что Бог уже среди нас, Христос среди нас и никто нас не вырвет ни из руки его, ни из любви Его.

Но вместе с тем праздник Сретения Господня несет на себе глубокую печать священного ужаса и скорби. Тот же Симеон, который возвестил пришествие Господне во плоти, обещал, принес страшную весть Божией Матери о том, что Ей меч пройдет сердце, что Она будет пронзена такой болью, испытает такое страдание, как никто на земле. Тогда Она не знала, каковы будут этот ужас и это страдание; позже, предстоя у Креста Господня на Голгофе, Она его пережила до конца: скорбь и ужас Матери, Которая видит Своего Сына пригвожденным ко Кресту неправедным судом, ненавистью тех людей, ради которых Он жил, проповедовал, ради которых Бог стал человеком; видела Она, как часами из Него текла жизнь, и наконец приняла Она Его мертвого на Свои объятия. *Это* Ей предрек Симеон Богоприимец, и поэтому, празднуя этот день, ликуя о нем как о нашем спасении, вспомним, однако, об этой душе раздирающей скорби Божией Матери. Сколько матерей и в России, и во всех странах мира могут эту скорбь понять, у кого дети — сыновья, дочери — были отняты болезнью или жестокой смертью войны.

Каждый из нас после своего рождения приносится в храм или приходит сам позже, чтобы быть крещеным и предстать перед Богом в воцерковлении. Это воцерковление младенца или взрослого — образ того, что тогда случилось в древнем Иерусалиме. Как поставлен был Сын Божий, ставший Сыном Человеческим, перед лицом Господним, так и каждый из нас, когда мы бываем крещены, приобщается жизни распятого и воскресшего Христа. Каждый из нас приходит или приносится в храм, чтобы стать до конца, без отказа Божиим достоянием, не вообще «чадом Божиим», но сыном или дочерью Божиими, вступающими в тот же путь, каким шел Господь наш Иисус Христос.

Если мы хотим понять, что значит до конца быть христианином, вспомним одно изречение евангельское и одно слово апостола Павла.

Когда Иаков и Иоанн на пути в Иерусалим, где Христос должен был пострадать и принять смерть, Его спросили, смогут ли они после Его победы сесть по правую и левую сторону Его царственного престола, Он им ответил вопросом: *готовы ли вы пить ту чашу, которую Я буду пить?* (то есть приобщиться тому страданию, которое Я должен вкушать?). *Готовы ли вы креститься тем крещением, которым Мне надлежит креститься?* (то есть погрузиться в тот ужас страдания, которое Мне предстоит?). И апостолы ответили: *Готовы!* (Мк 10:35—40). Так и мы, когда, крестившись, предстаем перед Богом в надежде в свое время разделить Его вечную участь, торжество вечной жизни, должны быть готовы сказать: и на земле, Господи, готовы мы разделить Твою земную судьбу, готовы, подобно Тебе, жить правдой, провозглашать истину, крестно любить ближнего нашего до готовности пострадать жизнью и смертью нашей — для

других, для друзей, для врагов, для всех положить свою жизнь. Как однажды Святейший Патриарх Алексий³⁴⁶ сказал мне в разговоре, Церковь — это Тело Христово, ломимое во оставление грехов человеческих.

Чтобы это осуществилось, должны мы помнить слово апостола Павла: *для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение*, и, однако, так как это полезнее, необходимо для вас, готов я остаться жить на земле (Флп 1:21—26). Кто из нас может всей душой, всем умом и всем сердцем, всей волей и всей жизнью сказать: *жизнь для меня Христос*, — не только в том смысле, что Христос в крещении, в таинствах, в учении Своем, в кроткой Своей близости дает мне новую жизнь, а в том смысле, что только то, что Христово, только то, чем Он жил, стало теперь целью и содержанием моей жизни? И, однако, *это* — признак истинного христианина; и если бы мы так жили, в таком единстве со Христом, с такой к Нему всецелой любовью, могли бы и мы сказать, как апостол Павел говорил: *жизнь для меня — Христос, а смерть — приобретение*, потому что, живя на земле, я отделен от Христа, а все желание, все устремление жизни моей в том, чтобы лицом к лицу Его узреть, чтобы с Ним быть всегда, чтобы ничто меня от Него не разделяло. И при всем этом апостол Павел, научившись от Христа любить — любить своего ближнего и дальнего, друга и врага, гонителя и защитника, говорит: и, однако, так как для вас это нужнее, я останусь жить на земле. Так и мы должны бы всей душой, всей силой жизни стремиться к встрече со Христом и, однако, быть способными сказать: да, но у меня есть дело на земле, я должен чистотой своей жизни, светом, льющимся из меня, правдой моих поступков, истинностью моих слов, всем моим существом быть свидетелем Христа, и хотя всей душой я мечтаю быть с Ним, я останусь в осиротелом, тусклом, горьком мире, чтобы внести в него свет, внести в него надежду, внести в него радость, внести в него любовь.

В этот праздник, который нам напоминает наше собственное воцерковление в свете крестного пути и крестной жертвы Христовой, обновим данные нами обеты крещения, вновь вступим, с новой решительностью, с новой надеждой, на путь Христов и не станем говорить, что мы слабы, что нет у нас крепости достаточной. Господь сказал апостолу Павлу, который просил о силе: *Довольно тебе Моей благодати, Моя сила в немощи совершается* (2 Кор 12:9). И апостол Павел восклицает: *И поэтому буду хвалиться я только немощью своей, чтобы все во мне было силой Христовой!* (2 Кор 12:9). И в другом месте: *Все мне возможно в укрепляющем меня Господе Иисусе Христе* (Флп 4:13). Павел был, как мы, человек из плоти и крови, ему тоже было страшно, ему тоже бывало больно, он тоже боролся за свою цельность и верность, и он победил, и он нам говорит: *Последуйте за мной, как я последовал за Христом* (1 Кор 4:16).

Исполним же это слово, и станем каждый день по-новому, глубже, более совершенно — Христовыми и подобными нашему Учителю, Спасителю и Богу. Аминь.

Крещение Господне³⁴⁷

19 января 1979 г. Мф 3:13—17

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

С каким чувством благоговения ко Христу и благодарности к родным, которые нас приводят к вере, мы вспоминаем о своем крещении: как дивно думать, что, поскольку наши родители или близкие нам люди открыли веру во Христа, поручились за нас перед Церковью и перед Богом, мы, таинством крещения, стали Христовы, мы названы Его именем. Мы это имя носим с таким же благоговением и изумлением, как юная невеста несет имя человека, которого она полюбила на жизнь и на смерть и который дал ей свое

имя, как это человеческое имя мы бережем! Как оно нам дорого, как оно нам свято, как нам страшно было бы поступком, образом своим его отдать на хулу недоброжелателям! И именно так соединяемся мы со Христом: Спаситель Христос, Бог наш, ставший Человеком, нам дает носить Свое имя. И как на земле по нашим поступкам судят о всем роде, который носит то же имя, так и тут по нашим поступкам, по нашей жизни судят о Христе.

Какая же это ответственность! Апостол Павел почти две тысячи лет тому назад предупреждал молодую христианскую Церковь, что ради тех из них, которые живут недостойно своего призвания, хулится имя Христово (Рим 2:24). Разве не так теперь? Разве во всем мире сейчас миллионы людей, которые хотели бы найти смысл жизни, радость, глубину в Боге, не отстраняются от Него, глядя на нас, видя, что мы не являемся, увы, живым образом евангельской жизни — ни лично, ни как общество?

И вот в день Крещения Господня хочется перед Богом сказать от себя и призвать всех сказать, кому было дано креститься во имя Христа: вспомните, что вы стали теперь носителями этого святого и божественного имени, что по вас будут судить Бога, Спасителя вашего, Спасителя всех, что если ваша жизнь — моя жизнь! — будет достойна этого дара Божия, то тысячи вокруг спасутся, а если будет недостойна — пропадут: без веры, без надежды, без радости и без смысла. Христос пришел на Иордан безгрешным, погрузился в эти страшные иорданские воды, которые как бы отяжелели, омывая грех человеческий, образно стали как бы мертвыми водами, — Он в них погрузился и приобщился нашей смертности и всем последствиям человеческого падения, греха, унижения для того, чтобы нас сделать способными жить достойно человеческого нашего призвания, достойно Самого Бога, Который нас призвал быть родными Ему, детьми, быть Ему родными и своими.

Отзовемся же на это дело Божие, на этот Божий призыв! Поймем, как высоко, как величественно наше достоинство, как велика наша ответственность, и вступим в теперь уже начавшийся год так, чтобы быть славой Божией и спасением каждого человека, который прикоснется нашей жизни! Аминь.

Преображение Господне

19 августа 1967 г. Мф 17:1—9

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Два раза пришлось человеку вступить в славу Божию и изнутри этой славы почерпнуть новое ведение о Живом Боге. Первый раз рассказывает нам Библия о том, как Моисей поднимался на гору Синайскую с тем, чтобы получить от Бога заповеди вечной жизни (Исх 24:16—18), которые должны были приготовить человечество к встрече и принятию Христа. Люди, оставшиеся у подножия горы, чуждые по своей греховности и неоткрытости своих сердец тайне встречи с Богом, взирая на гору, видели ее окруженную темным облаком, бурей, громами и молниями, и Моисей в страхе и трепете, но с непоколебимой верой поднимался на эту гору для того, чтобы там встретить Живого Бога и от Живого Бога получить животворящие слова. И поднявшись на вершину горы, Моисей вступил в это темное, непроницаемое облако, и изнутри как бы, вошедши в него, был осиян светом, ибо это облако, темное и непроницаемое для внешнего взора, — это свет невечерний, свет нетварный Божественной жизни. И только способные вступить в него верой, поклонением, открытостью души могут из тьмы перейти к свету.

То же случилось и с апостолами в таинственный день Преображения. Христос избрал трех, которые являются в Евангелии как бы образами совершенной, твердой веры, чуткой любви и праведности — Петра, Иоанна и Иакова. И Христос, взяв их с Собой, стал молиться.

Отцы Церкви нам говорят, что Божественная благодать, которая пожаром обдаёт дух человеческий в молитве и в чистоте жизни, постепенно, когда эта жизнь растёт и расцветает под её действием, проникает все человеческое естество, наполняет собой человеческую душу и, переливаясь через край, исполняет, наполняет собой и тело. И вот Христос в молитве засиял тем же Божественным нетварным светом, каким был когда-то обдан Моисей. Этот свет принадлежал Ему всегда. Христос преобразился не в том смысле, что Сам стал иным, но ученики Его, верой, и любовью, и чистотой жизни, и открытостью душ своих последовавшие за Ним, оказались способны в какой-то мере, подобно Моисею, увидеть нетварный Божественный свет. И этот свет, который зажигается Божественной благодатью не только во Христе Иисусе, Живом, истинном Боге, но и во всяком человеке, приобщающемся благодатной жизни, не остается только в человеке, он расцветает и сияет вокруг.

Есть древнерусская икона работы Феофана Грека. Там мы видим, как этот свет, как бы изливаясь из Христа, касается всего вокруг, не только апостолов, которых он озаряет, но всего, всего, что вокруг есть, — и все, к чему прикасается этот свет, начинает сиять ответным светом, потому что все, что Богом сотворено, способно жить, и трепетать, и сиять Божеством. Бог не создал нас — людей и все прочие твари — для того, чтобы мы были предметами в Его Царстве, Он создал нас для того, чтобы и мы сияли от прикосновения вечной, Божественной жизни. Но для того чтобы это случилось с нами, мы, как апостолы, как Моисей и как вся тварь, непричастная ко греху, должны открыться Богу, и тогда в нас тоже в славе откроется Бог, воссияет и нас прославит и спасет. Аминь.

Благовещение — Великая пятница ³⁴⁸

7 апреля 1961 г. Лк 1:24—38; Мф 27:1—38; Лк 23:39—43; Мф 27:39—54; Ин 19:31—37; Мф 27:55—61

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Совпадение в этом году Великой пятницы и праздника Благовещения Пресвятой Богородицы раскрывает перед нами часто от нас ускользающую трагическую истину и реальность Благовещения.

Мы часто думаем о Благовещении — и справедливо — как о дне, когда Спаситель Господь явил Пречистой Деве Богородице, что Она станет Матерью воплощенного Слова Божия. И мы думаем только о той чудесной радости, которая вошла в мир с обещанием о Спасителе. Но мы редко думаем о том, что дары Божии всегда трагичны в нашем мире, что ничто великое не случается иначе, как ценой сердечной муки и крови человеческой.

И вот в сегодняшний день мы видим, как обещанное Пречистой Деве воплощение Сына Божия во спасение мира завершается трагично. Христос родился в наш мир для того, чтобы душу Свою положить *за други Своя* (Ин 15:12—13). Любовь Божественная, крестная, спасительная любовь привела Сына Божия в мир смерти, и обещание Ангела Пречистой Богородице о том, что родится Спаситель мира, значило для Нее в то же время, что рожденный от Нее Божественный Сын спасет мир кровью Своей, и мукой смертной, и самой смертью, непостижимой, невозможной смертью воплощенного Слова.

В эти дни, в эти часы, которые нас разделяют от Пасхи, от торжества Воскресения Христова, вдумаемся в образ Пречистой Девы, Которая совершенной верой и совершенной чистотой, подвигом истинной святости стяжала Себе этот страшный дар — стать Матерью Господней и Которая, будучи единой с Сыном Своим Божественным, единой духом, единой волей, единой сердцем, предстояла у Креста Его, пока многочасно умирал Спаситель.

Если мы вчитаемся в евангельские слова, мы не увидим в них картины рыдающей Матери, мы увидим в Пречистой Деве Ту, Которая приносит в дар, в кровавую жертву Своего Сына для того, чтобы мир нашел спасение.

Проходя эти часы, вслушаемся, после выноса Плащаницы, в слова канона «Плач Богородицы», постараемся проникнуть в ту тайну меча, пронзающего сердце Пречистой Девы. Она едина с Господом: Он умирает — Она соумирает с Ним. Поклонимся долготерпению Христову, поклонимся Страстям Его и будем помнить, что в Страсти Его, в долготерпении Его, в кресте и любви Его Пречистая Дева участвует *до конца* и что право молиться за нас перед Богом о нашем спасении Она купила смертью крестной Сына Своего. Аминь.

Вербное воскресенье

30 марта 1980 г. Ин 12:1—18

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

С нынешнего дня Христос вступает не только в Свои страдания, но и в то страшное одиночество, которое Его окутывает в течение всех дней Страстной седмицы. Оно начинается с недоразумения. Люди ожидают, что вход Господень в Иерусалим будет торжественным шествием политического, народного вождя, который освободит свой народ от гнета, от рабства, от того, что они считали безбожием, потому что всякое язычество, идолопоклонство есть отрицание Живого Бога. Это одиночество разовьется дальше, в страшном непонимании даже со стороны Его учеников. На Тайной Вечере, когда Спаситель будет с ними говорить в последний раз, они все время будут недоумевать о смысле Его слов. И дальше, когда Он войдет в Гефсиманский сад, чтобы стоять перед предстоящей Ему страшной смертью, самые Ему близкие ученики, Петр, Иоанн и Иаков, заснут от уныния, и от усталости, и от отчаяния.

И, наконец, последним шагом в это одиночество будет крик Христов со креста: *Боже Мой, Боже Мой! зачем Ты Меня оставил?* (Мк 15:34). Оставленный людьми, отверженный израильским народом, Он вступает в предельную оставленность и умирает как бы без Бога, без людей, один, *только* со Своей любовью к Богу и со Своей любовью к людям, умирая ради одних, умирая во славу Другого.

Начало Страстей Господних — сегодняшнее торжественное Его шествие. Люди ждали царя, вождя — они нашли Спасителя душ их. Ничто так не ожесточает человека, как потерянная надежда, разочарованная надежда. И этим объясняется, что люди, которые *так* Его встречали, которые были свидетелями воскрешения Лазаря, чудес Его над людьми, слышали Его учение, восхищались каждым Его словом, были готовы стать Его учениками, лишь бы с этим шла победа, — от Него оторвались, отвернулись и через несколько дней стали кричать: *распни, распни Его!* (Лк 23:21). И Христос провел все эти дни в одиночестве, зная, куда Он идет, и оставленный всеми, кроме Божией Матери. Она молчаливо, как в течение всей Своей жизни, стояла поодаль, соучаствовала в Его

трагическом восхождении ко Кресту — Божия Матерь, Которая приняла Благовестие, но также приняла, безмолвно, пророческое слово Симеона о том, что и Ей пройдет меч через сердце (ср.: Лк 2:35).

В течение этих дней мы будем присутствовать — не только вспоминать, но присутствовать! — при Страстях Господних. Мы будем частью толпы, которая окружала Христа, Его учеников и Божию Матерь. Когда мы будем слушать евангельское чтение, слышать молитвы Церкви, когда, образ за образом, пройдут картины этих Страстных дней, станем каждый день себе ставить вопрос — *а где я, кто я* в этой толпе: фарисей? книжник? изменник? трус? Или стою я среди апостолов — но и они были побеждены страхом! Петр трижды отрекся, Иуда предал, Иоанн, Иаков и Петр заснули, когда Христу больше всего нужна была человеческая любовь, другие ученики бежали. У Креста никто не остался, кроме Иоанна и Матери Божией — тех, кто связан был со Христом такой любовью, которая не боится, такой любовью, которая готова все разделить.

И снова поставим перед собой вопрос: кто мы, где мы? Где находимся мы в этой толпе? С чем стоим мы: с надеждой или с отчаянием? А если мы стоим с бесчувствием, то мы тоже — часть той страшной толпы, которая окружала Христа, которая двигалась, слушала — и уходила, как мы будем уходить из церкви. Будет стоять Крест здесь в четверг, мы будем читать Евангелие о Кресте, о распятии, о смерти — и что потом будет? Крест останется стоять — а мы пойдем на отдых, пойдем домой, пойдем ужинать, спать, отдыхать, готовиться к утомлению следующего дня. А Христос в это время на Кресте, Христос во гробе. Какой это ужас, что мы не можем, как и ученики в свое время, единого часа, одной ночи с Ним провести. Подумаем над этим, и если мы не способны *сделать* ничего, то хоть поймем, кто мы, где мы, и обернемся ко Христу хоть в последний час с возгласом, с молитвой разбойника: *Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!* Аминь.

Страстная седмица

Понедельник. 31 марта 1980 г. Мф 24:3—35

Понедельник Страстной седмицы дает нам в евангельских чтениях картину Суда и картину того, на чем основан Суд Божий. Суд приходит к каждому человеку, не только верующему, но и неверующему; есть моменты в жизни, когда мы вдруг оказываемся перед лицом последствий своих слов или своих поступков и видим, во что вылилось праздное слово, легкомысленный поступок, какие страшные последствия бывают из него. Есть моменты, которых никто не избежит: это — час смертный, и в этот час всякий человек — был ли он верующим или был он безбожником в течение всей своей жизни — оглядывается на свою жизнь и ставит перед собой вопрос: зачем я жил? Не напрасно ли я прожил долгую жизнь? Скопил казну, получил какие-нибудь научные знания, достиг высокого положения в обществе или, может быть, просто честно как будто трудился — и вдруг оказывается, что все это осквернено тщеславием, желанием сделать карьеру, и притом с готовностью добиться своего за счет другого человека и за счет собственной совести. И когда перед человеком ничего больше не остается, кроме грядущей смерти, тогда все становится на свое место, тогда человек говорит себе: стоило ли подличать, стоило ли лицемерить, стоило ли обманывать, лукавить, предавать, пресмыкаться, быть недостойным себя самого? Скрывать свою низость от жены, от матери, от друзей, чтобы они увидели только успех, когда теперь все это приходит вот-вот к концу?

Эта тема Суда должна встать перед каждым человеком. Человек совестливый, человек честный должен был бы задавать себе этот вопрос изо дня в день и никогда не допускать, чтобы день прошел без того, чтобы был произнесен суд, и если этот суд осуждает нас —

чтобы было исправлено или, по крайней мере, не повторено то, за что совесть наша нам говорит: ты не прав! Аминь.

Вторник. 1 апреля 1980 г. Мф 24:36—26:2

Во вторник в евангельских чтениях продолжается тема о Суде, она окрашивается напоминанием о том, что придет день, когда во всей Своей славе, во всем Своем величии Бог станет уже въявь не только перед совестью человека, но перед всем миром. И тогда, как говорится в Евангелии, *восплачутся все племена земные* (Мф 24:30), каждый человек станет перед лицом этого последнего Суда. И страшен этот Суд не тем, что Судья грозен, не тем, что закон суров, страшен этот Суд тем, что тогда откроется перед нами, что единственным смыслом жизни была любовь — жертвенная, кроткая, ласковая, правдивая любовь, и что мимо этой любви мы все прошли, за редкими, редкими исключениями.

И другие картины встают: Христа хотели уловить в слове, чтобы привести к смерти, уловить, как паук старается уловить мошку. Для этого прибегали именно к тем же приемам, к которым прибегает паук: ко лжи, к лицемерным вопросам под личиной добра, ожидая, что Он ответит «не то» и Его можно будет уличить, к лукавым вопросам и, наконец, к прямому предательству. Эти разные способы уничтожения человека и сейчас имеют место или, вернее, к ужасу нашему, играют свою губительную роль среди людей. Каждый из нас должен задуматься, живет ли он правдой. Потому что во лжи жить нельзя: можно только убивать и умирать — убивать свою душу и убивать другого человека. Лукавить нельзя, если мы хотим быть честными, добротными людьми, предавать нельзя, даже свою жизнь нельзя спасти, предав неповинную кровь, как поступили со Христом. Аминь.

Среда. 2 апреля 1980 г. Лк 10:25—37; Лк 19:1—10; Мф 10:1, 5—8; Мф 8:14—23; Мф 25:1—13; Мф 15:21—28; Мф 9:9—13

В среду Страстной седмицы во многих храмах совершается таинство соборования. Соборование — это молитвенный чин, служба, обращенная к Богу об исцелении души и тела всех людей, которые участвуют в ней. Впервые эта служба была совершена всенародно во время севастопольской осады. Тогда все жили под опасностью смерти, болезни разразились во всем городе, раненые умирали, живые и здоровые ожидали своего конца. И вот местный епископ всех призвал к покаянию, к исповеди, к очищению своей совести и к совершению этого таинства. Этот обряд прежде всего покаянный, а в ответ на наше покаяние Господь изливает на нас Свою благодать прощения грехов и телесного исцеления. Основой, сердцевиной этого обряда является наше покаяние.

И в предыдущие дни мы вдумывались в смысл своей жизни, стояли перед судом своей совести, созерцали приход Господень и последний над нами Суд любви и правды, который должен нас подготовить именно к *личному* покаянию. Человека физически убивает не только пуля или болезнь; физически человека разрушает и его нравственное состояние: зависть, ненависть, горечь, злоба отравляют человека не только душевно, но и телесно. И поэтому неудивительно, что, прежде чем приступить к Богу, принести Ему свое тело болящее, страждущее, со словами: «Господи, исцели!» — мы призываемся каяться во всем том, что в нас есть дурного. Исцели — то есть сделай меня цельным, оздорови меня до конца, пусть во мне будет сплошная гармония тела, и души, и духа, пусть я войду в совершенную гармонию с Богом, к которой призван человек.

Так вот, если кто из вас, сейчас слушающих меня, будет подходить к этому таинству, произведите над собой внимательный, строгий суд, но суд, который с надеждой вас

приведет к Богу — с надеждой и уверенностью, что каждому из нас Господь скажет: *иди в мире, вера твоя спасла тебя!* (Мк 5:34). Аминь.

Четверг. 3 апреля 1980 г.³⁴⁹ *Ин 13:31—18:1; Ин 18:1—28; Мф 26:57—75; Ин 18:28—19:16; Мф 27:3—32; Мк 15:16—32; Мф 27:33—54; Лк 23:32—49; Ин 19:25—37; Мк 15:43—47; Ин 19:38—42; Мф 27:62—66*

В четверг вечером читается рассказ о последней встрече Господа Иисуса Христа со Своими учениками вокруг пасхального стола, о страшной ночи, проведенной Им одиноко в Гефсиманском саду в ожидании смерти, рассказ о Его распятии и о Его смерти. Перед нами проходит картина того, что произошло со Спасителем по любви к нам. Он мог бы всего этого избежать, если бы только отступил, если бы только захотел Себя спасти и не довершить того дела, ради которого Он пришел. Разумеется, тогда Он не был бы Тем, Кем Он на самом деле был, Он не был бы воплощенной Божественной любовью, Он не был бы Спасителем нашим. Но какой ценой обходится любовь! Христос проводит одну страшную ночь лицом к лицу с приходящей смертью, и Он борется с этой смертью, которая идет на Него неумолимо, как борется человек перед смертью.

Но обыкновенно человек просто умирает, беззащитно, здесь происходило нечто более трагичное. Своим ученикам Христос до этого сказал: *Никто жизни у Меня не берет — Я ее свободно отдаю* (Ин 10:18). И Он свободно, но с каким ужасом отдавал ее. Первый раз Он молился: *Отче, если Меня может это миновать — да минет*. И боролся. И второй раз Он молился: *Отче! Если не может миновать Меня эта чаша — пусть будет*. И только в третий раз, после новой борьбы, Он мог сказать: *Да будет воля Твоя*. Мы должны в это вдуматься: нам всегда — или часто — кажется, что легко было Ему отдать Свою жизнь, будучи Богом, Который стал человеком. Но умирает-то Спаситель наш Христос как человек: не Божеством Своим бессмертным, а человеческим Своим, живым, подлинно человеческим телом.

И потом мы видим распятие, видим, как Его убивали медленной смертью и как Он без одного слова упрека отдался на муку. Единственные слова, обращенные Им к Отцу о мучителях, были: *Отче, прости им: они не знают, что творят!* Вот чему мы должны научиться: перед лицом гонения, перед лицом унижения, перед лицом обид — то есть тысячи вещей, которые далеко-далеко отстоят от самой мысли о смерти, — мы, посмотрев на человека, который нас обижает, унижает, хочет уничтожить, должны повернуться душой к Богу и сказать: *Отче, прости ему: он не знает, что делает, он не понимает смысла вещей*. Аминь.

Пятница. 4 апреля 1980 г.³⁵⁰ *Мф 27:1—38; Лк 23:39—43; Мф 27:39—54; Ин 19:31—37; Мф 27:55—61*

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы видели сегодня вечером смерть Христа, но мы провозглашаем, что и в самом гробе тело Христово не узнало тления, ибо Его Божество пронизало Его плоть так же совершенно и навеки нераздельно, как Оно пронизало Его человеческую душу. Христос умер, и теперь мы созерцаем образ Христа во гробе, но помните Его слова: *если зерно не умрет, оно не принесет плода* (Ин 12:24). Только то может воскреснуть в вечности, что умерло во временной жизни. И в то время как мы созерцаем Христа во гробе, покоящегося плотью Своей от страданий, которые Он перенес, Его душа, сияющая всей славой Божества, сходит в место, которое мы называем адом, или *шеолом*, в место, где находилась всякая душа человека, праведного или неправедного, умиравшего после того,

как человечество было отторгнуто от совершенства общения с Богом. И Он наполняет это место Своим присутствием, так что ада не стало больше; победа над адом — это конечная, окончательная победа Христа над смертью. Ад узнаёт теперь о своем окончательном и полном поражении. Это мы услышим завтра ночью, но литургия завтра утром, как бы продолжая победное пение «Аллилуйя», которое уже есть провозглашение Воскресения, будет совершаться, после чтения Апостола, в белых одеждах, потому что мы знаем о победе Христа, хотя еще не стояли перед лицом всей славы этой победы. Будем же подходить к животворящему гробу, кланяясь ему земно, благоговей перед любовью Бога, отдавшей Сына Божия на смерть за нас, и будем поклоняться в то же время тайне Его победы и ждать минуты, когда весть о Воскресении достигнет до нас. Будем подходить в тишине и благоговении, в благодарности и смирении — и с радостью в сердцах наших. Аминь.

Суббота. 5 апреля 1980 г. ³⁵¹ Мф 27:62—66; 28:1—20

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Блаженны мы: в часы, отделяющие нас сейчас от провозглашения Воскресения Христова, мы ожидаем его, мы знаем, что оно случилось, знаем, что сошествие во ад есть победа над адом, а не конечное поражение Человека Иисуса, распятого на Голгофе. Апостолы этого не знали; в эти часы, которые мы будем проводить, предвкушая радость наступающей ночи, они были во тьме, в безнадежности и страхе. И когда оказалось, что страх их был напрасен, что победа одержана там, где они видели поражение, они принесли нам благую весть. Проведем же эти остающиеся часы с теплым, благодарным чувством, ожидая, чтобы весть дошла до нас, но радуясь за миллионы людей, которые были в тени смерти, во мраке отделенности от Бога, пока Сам Бог не пришел внезапно в место предельной оставленности. Будем думать о них; и будем благодарить Бога за них и за всех тех, которые ушли из этой жизни, но не умерли, а уснули сном успения: за наших умерших родителей, наших умерших предков, наших друзей, членов этого прихода, людей ведомых нам и неведомых: смерти больше нет. Потому что жало смерти заключалось в конечном отделении от Бога и отделенности от нашего ближнего, и этого больше не существует. Теперь это только временная разлука души и тела, время, когда тело будет отдыхать и рассыплется в прах, тогда как душа будет оживать все более и более, как все разгорающееся пламя, до дня, когда будет восстановлена цельность, когда мы воскреснем и заживем жизнью Божией вовеки. Аминь.

Пасха ³⁵²

6 апреля 1980 г.

Христос воскрес!

Мы поем Христово Воскресение, и только что, словами святого Иоанна Златоустого, мы провозглашали победу жизни над смертью: *Где, ад, твое жало, где, смерть, твоя победа? Воскрес Христос — и ни один мертвец не остался во гробе*³⁵³. А вместе с этим мы видим собственными очами, мы слышим страшные вести о том, что смерть все еще косит людей вокруг нас, что умирают ближние, умирают молодые, умирают дорогие, — где же это благовестие о победе жизни?

Смерть бывает разная: бывает телесная смерть, но бывает смерть еще более страшная — разлука, разлука окончательная, разлука вечная, непреодолимая разлука. И эта смерть в течение тысячелетий до прихода Христова была опытом всего человечества. Оторвавшись

от Бога, потеряв Бога как источник своей жизни, человечество стало не только умирать телом, но стало уходить окончательно, навсегда от общения с Ним. Умерев без Него, люди оставались мертвыми без Него.

И вот Христос, Сын Божий, Бог Живой, пришел на землю. Он жил человеческой жизнью, будучи Богом Живым, Самой Жизнью. Он приобщился всему, что составляет судьбу человека: жаждал, был голоден, уставал, но страшнее всего — в конечном итоге Он приобщился умиранию и смерти. Как Бог Он умереть не мог, но по любви к нам Он разделил с нами нашу судьбу. С Богом остался и был отвержен людьми, с людьми не разлучился и на Кресте — о, на Кресте Он сказал самые страшные слова истории: *Боже Мой, Боже Мой! зачем Ты Меня оставил?* (Мк 15:34). И умер, умер: сама Жизнь умерла, потух свет, который *Свет* по существу. И сошел Христос человеческой Своей душой в бездну богооставленности, туда, где нет Бога, и когда Он вошел в эту страшную область, Он Собою, Своим Божеством, Жизнью вечной, Светом неумирающим заполнил все.

И *эта* смерть навсегда упразднена, теперь смерть мы называем успением, временным сном, и когда умираем, мы уходим не в бездну отчаяния и богооставленности, а уходим к Богу, возлюбившему нас так, что Он Сына Своего Единородного, Единственного, Возлюбленного дал, чтобы мы поверили в Его любовь!

Можем ли мы в этой любви сомневаться, когда видим, знаем, чего эта любовь Богу стоила: жизнь Христа, смерть Христа, отверженность людьми, отверженность Богом, ужас Гефсиманского сада, когда Он ждал смерти, зная, что Его предал близкий ученик, зная, что через несколько часов другой Его ученик Петр от Него отречется и что все Его оставят умирать в одиночестве, умирать одному? И этим Он нам сказал: смотрите — *и это Я* на Себя принял, и умер, чтобы вы верили, что вы любимы Богом и потому, что вы Богом любимы, вы *спасены* — потому что спасение наше не от нас зависит, а от этого чуда любви.

А мы — чем можем отозваться на эту любовь? Мы можем эту любовь принять благоговейно, трепетно в сердца наши, мы можем с изумлением предстоять перед этим чудом непобедимой Божественной любви, и тогда можем всю жизнь превратить в благодарение. Не по долгу поклоняться Богу, не по необходимости исполнять Его заповеди, а сказать: Господи! Если *Ты* нас так любишь, то *можно* Тебя почитать, любить, слушаться, потому что Твой путь — путь жизни. И всю жизнь, всю жизнь без остатка сделать не словом благодарности, не песнью благодарности, а живой благодарностью: так любить каждого человека, как его возлюбил Бог — любой ценой и до конца.

И если мы так научимся любить, то мир наш станет новым, другим миром, тогда придет к нам Царство Божие, Воскресение, новая жизнь. Но для этого каждый из нас должен умереть — не телесной смертью и не ужасной смертью разлуки, а отказом от всего себялюбия, от искания своего. Каждый должен открыться Богу, открыться другим, жить для других, потому что воскреснуть вечной жизнью может только тот, кто сбросил с плеч, как старую ненужную одежду, все временное и тленное. *Так* будем жить и *такой* мир создавать, и тогда возрадуется о нас Господь, и мы с радостью взглянем Ему и каждому человеку в лицо.

Христос воскрес!

Благовещение — Светлый Понедельник³⁵⁴

7 апреля 1980 г. Лк 1:24—38; Ин 1:18—28

Христос воскрес!

Очень редко Воскресение Христово и Благовещение совпадают так, как в этом году, и в каком-то смысле это делает нашу радость еще более полной, еще более славной.

Мы всегда думаем о Божией Матери в течение всей жизни Христа как об уходящей в тень, дивной в Ее безмолвии, в Ее преклонении перед путями Божиими, Ее принятии пути Христова, который приведет Его к Страстям. Мы видим Ее у Креста, мы слышим обещание, данное Ей в каноне: *Не рыдай Мене, Мати, восстану бо*³⁵⁵. И мы вспоминаем слова Симеона: меч пронзит Твое сердце (ср.: Лк 2:35).

Сегодня круг как бы замкнулся: Благовещение было провозглашено, все совершено, все случилось, и исполнение всего — Воскресение. И Воскресение как раз накануне Благовещения, как бы отирая всякую слезу, исполняя всякие потемки и тьму дивным светом вечной жизни. И мы можем радоваться еще глубже, радоваться за Нее — Ту, Которая дала нам Своего Сына, радоваться, что сейчас Она, в день Своего Благовещения, пребывает в уверенности и славе Воскресения Сына Своего. Аминь.

О Марии Магдалине³⁵⁶

25 мая 1968 г. *Ин 20:11—18*

Христос воскрес!

Вот с этой радостью о Воскресении Христовом жены-мироносицы ранним-ранним утром покинули гроб, в котором был положен Иисус (Мк 16:1—8). Что же делает Мария Магдалина у этого гроба несколько часов спустя в слезах, в горе? Как она, утром еще осиянная вестью о Воскресении Господнем, теперь в плаче предстоит этому самому гробу? Что случилось с ней?

Случилось то, что, услышав ранним утром весть о Воскресении Христовом, она ее восприняла как победу Господню над смертью, как торжество Божие, а вместе с этим как окончательную разлуку с Господом своим. Тогда ангелы возвестили женам о Воскресении, но Самого Христа они не узрели. И вот она вернулась, вернулась, погруженная в собственное горе, забыв за своим собственным горем и о Воскресении Господнем, и о победе Божией, только окутанная тьмой этого будто непоправимого несчастья: воскрес Господь, но никогда, никогда уж ей не видать Его, никогда не слышать ей Его собственного голоса, никогда не быть Ему в среде возлюбивших Его учеников, для которых Христос был — сама жизнь.

И вот погруженная в горе среди этой славы, окутанная тьмой среди этого сияния Воскресения Господня, она у гроба. И она так погружена в свое горе, что не видит ангелов, которые утром уже возвестили ей и другим о Воскресении Христовом, она видит только горе свое неизбывное, безнадежное. Она видит гроб — и не находит в нем торжествующего свидетельства о Воскресении и о победе, она видит в нем поражение — не Божие, свое. Окутана она тьмой собственного горя.

Разве не бывает часто с нами, когда умрет близкий, родной человек, что в момент смерти коснется нашей души крыло веры, загорится в нашем сердце уверенность о том, что жизнь жительствоует, что смерть побеждена, что любовь не может быть покорена... А потом проходит иногда короткое время, и мы возвращаемся к сетованию, к своему горю, к своему несчастью, и за ним собственной, только что пережитой радости мы не умеем

больше ощутить. Торжество победы заглушено нашим горем. Так и в этом рассказе: Мария Магдалина не видит. Не видит света, не видит ангелов, не чувствует победы, видит только гроб, и притом гроб особенно страшный, потому что этот гроб пуст. Даже нельзя поплакать над любимым телом, даже нельзя побыть с Тем, Который теперь умер, но Который хоть плотью Своей еще среди людей. Нет этой плоти...

И ангел Господень, стараясь возбудить ее, привести ее в сознание собственного опыта Воскресения, обращается к ней с вопросом: что ты плачешь, женщина? кого ты здесь ищешь? Но и тут она не узнает его голоса, не поднимает на него глаз, она только отвечает: взяли Господа моего, и не знаю, куда положили Его. И сказав эти слова, она от ангела-благовестника, от утешителя, от радости своей отворачивается: не воззрела бы на него! Зачем с ним говорить, что он может сделать для моего горя?

Опять скажу: разве не это бывает часто, когда умрет дорогой нам человек, и кто-нибудь близкий, родной, живой свидетель нашего собственного опыта победы Божией и Воскресения Господня нам хочет напомнить о том и тихо говорит: «Что ты плачешь? О чем? Что с тобой?» И мы отвечаем: «Умер, умер... умерла моя любовь...» — и отворачиваемся: отойди прочь с твоим утешением, с твоими теплыми словами, я хочу плакать, я хочу горе свое до конца пережить, чашу свою хочу испить до конца.

Отвернувшись от благовестника-ангела, она оказывается лицом к лицу с воскресшим Господом. Но и Его она не видит. Она занята своим плачем, своим горем, она не смотрит на Него. И тогда Он тоже спрашивает, теми же словами: что ты плачешь, женщина, кого ищешь ты здесь? Даже тут она не опомнилась. Даже тут она, думая, что это садовник, отвечает: куда ты Его дел? куда ты положил это тело, все, что теперь у меня осталось от вечной жизни? (Не так ли мы часто поступаем?) И тогда Христос говорит ей одно слово: *Мария!* Называет ее по имени.

Сколько раз она слышала этот же голос, это же имя на Божественных и животворящих устах. И это слово, это имя, которое никто на свете не может для каждого из нас произнести так, как единственный, кого мы любим больше всех, единственная, кого мы любим больше всех, — это слово доносится до ее сердца, отзывается оно в ее сердце, и тут она больше не взирает ни на Говорящего, ни на ангелов, ни на гроб. Встреча случилась в глубинах сердца, ожившего от этого слова животворного. Она названа по имени так, как никто на свете ее не называл. Это слово говорили многие, но так оно никогда не звучало, как когда Христос его произносил.

И она падает ниц перед Ним: Учитель! Он жив! Теперь она бы прикоснулась к Нему, к Его ногам, она облобызала бы Его пречистые ноги, но Господь ее останавливает: время не пришло...

Слова Его таинственны, слова Его часто более таинственны, чем нам кажется. Единственное, что ясно в них, это: не касайся Меня, не пришло время тебе и Мне. Но иди, иди ты, первая, которая увидела, потому что сумела сердцем услышать то, что глаза не могут показать. Иди и возвести другим, что ты видела воскресшего Господа.

И она идет, и она пронесит эту весть торжествующе, ликующе, и эту весть от нее воспринимают ученики — и спешат, спешат к этому гробу — внутрь сердца, внутрь опыта, и тут начинается для них новое.

Сколько раз нам придется в жизни — и по отношению ко Христу, и по отношению к самым родным и близким и дорогим — испытать это же самое. Когда коснется нас горе,

перечтем это место, вдумаемся в него вновь. Это одно из самых торжествующих свидетельств о Воскресении Господнем, которые пробиваются через мрак, через тьму, пробиваются через горе, пробиваются через все, при одном только условии: что сердцем мы умеем слушать и сумеем услышать, что воскрес Господь. Потому что и теперь Он нас называет по имени: Мария! Каждого из нас этим именем, потому что теперь по отношению к Нему прошло время суеты, пришло время созерцания, образ которого — именно Мария, по свидетельству Евангелия Господня.

Возрадуемся о Воскресении Господнем и не будем бояться. Свет Христов, который так торжествующе, так ослепительно озарял нас в пасхальную ночь, теперь превратился в тот тихий свет, о котором мы поем на всенощной: *Свете тихий святых славы Небесного Отца, Святого, Блаженного — Ты, Иисус Христос*³⁵⁷. Аминь.

О радости Христовой³⁵⁸

16 мая 1987 г. Ин 20:1—10

Христос воскрес!

Мы в радости Христовой, и если бы только мы понимали, что можем радоваться даже среди скорби житейской! Есть пример тому: в Ветхом Завете рассказывается, как трое молодых людей отказались исполнить приказание властителя поклоняться идолам и за это были брошены в огонь, в печь огненную (Дан 3:12—95). И милостью Божией смерть их не коснулась, больше того: когда доложили о том властителю, вавилонскому царю, он пошел посмотреть на это диво — и что же он увидел? Он с изумлением воскликнул: не трех ли я бросил в эту печь, как же в этой печи сейчас четыре человека, и один из них — во славе Сына Божия?!

С нами Бог в самой жгучей, в самой трагической нашей скорби, так же как Он с нами как Даятель радости, во всякой радости — и большой, и как будто маленькой: для Бога мелкого ничего нет, потому что любовь не различает между тем, что крупно и мелко. Разве мать, разве отец не ликуют всем сердцем о том, что их дитя радуется какому-то подарку: кукле, зверю, игрушке? Да, потому что в этой радости вся душа изливается, и этот подарок — не предмет, этот подарок — воплощение родительской любви; вся любовь родительская дается в этом скромном образе.

Так же и Господь принимает нашу радость, какова бы она ни была: тихая или пламенная; так же Он воспринимает наши скорби: как бы они ни были перед вечностью незначительны, во времени они могут разрывать наше сердце до боли. И Господь все на Себя взял: всю скорбь земли Он понес на Своих плечах, и от этой скорби земли, потому что Он захотел с нами ее разделить, Он умер на кресте. Бог стал человеком. Почему Он это мог сделать? Потому что каждый из нас для Него так дорог, что Он за каждого из нас готов отдать всю Свою жизнь и всю Свою крестную смерть. Если мы понимаем, что мы так любимы, разве есть место для уныния, для полного упадка сил? Да, конечно, бывают моменты, когда разрывает наше сердце боль или когда тревога его заполняет, но за пределом боли, за пределом тревоги мы можем знать: мы так любимы Богом, что Он готов умереть, чтобы мы жили. И действительно, умер Христос на кресте, и не только за тех, которые Его посылно любили, не только за тех, которые надеялись, что Он не будет убит на кресте, но и за тех самых людей, которые Его засудили на смерть и пригвоздили ко кресту: *прости им, Отче! они не знают, что творят* (Лк 23:34). Вот мера любви Божией — не к друзьям, а к врагам; вернее: Бог не знает врагов, есть люди, которые к Нему враждебно относятся, но Он всех любит одинаковой, ласковой и крестной,

любовью. Апостол Павел нам об этом говорит: о том, как дивно, что Бог нас возлюбил, когда мы еще были Его врагами, чужими для Него (Рим 5:8), и любовью Своей сделал нас Своими, родными. Он не стыдится нас называть братьями и сестрами. Как это дивно!

А после крестной смерти — победа; и мы должны помнить, мы *должны* помнить, что после каждой скорби, каждой трагедии приходит момент, когда Бог дает нам новую глубину души, новые силы, новое понимание жизни, новую способность нести крест, для того чтобы другие могли ожить и тоже возрадоваться о Боге.

И еще: мы знаем, что в Вознесении Христовом Он, распятый Сын Человеческий, сидит по правую сторону Бога и Отца. И в Его лице, потому что Он не частный человек, а представляет Собой весь человеческий род, все мы уже можем глядеть в сторону этого престола и знать, что там — Человек, что наше место там, где Христос, знать, как апостол Павел говорит, что *наша жизнь сокрыта со Христом в Боге* (Кол 3:3).

Как сияет над нами, как сияет в наших сердцах, когда мы только заглянем вглубь сердца, победа Божия и любовь Божия! Евангелие нам говорит, что где сокровище наше, там и сердце наше будет. Разве наше сокровище не во Христе, разве Он, так нас полюбивший, не может быть для нас самым любимым, самым дорогим? И этим Он ни у кого не крадет человеческой любви, потому что мы можем Его любить всем сердцем и вдруг увидеть, что любимых нами по-человечески мы теперь начинаем любить, как Бог их любит: не только нашим сердцем, а Божественной любовью.

Вот что нам открывает Воскресение Христово. Мы будем идти в этом свете почти до праздника Троицы, а потом, в день Троицы, мы должны раскрыться тому, чтобы Святой Дух сошел на нас и мы стали как апостолы и просияли вечной жизнью. Каждый наш поступок должен стать таков, чтобы он мог войти в вечную жизнь после нашей смерти и еще до нее, ни одно наше слово не должно быть гнилым словом, каждая мысль должна быть чиста, каждое движение сердца — достойно того, что Бог нас любит. Разве мы не знаем, как мы стремимся быть светлыми, чистыми, когда вдруг почувствуем пламенную любовь к одному человеку или когда знаем, что мы кем-то любимы? Мы так любимы Богом. Неужели мы не сумеем любить чистой, светлой, победоносной любовью Воскресения? Дай нам Бог силы на это! Человеческими силами этого не сделать, но Господь сказал апостолу Павлу: *Довольно тебе Моей благодати, Моя сила в немощи совершается* (2 Кор 12:9). И в другом месте Павел говорит: *Все мне возможно в укрепляющем меня Господе Иисусе Христе* (Флп 4:13). И что было возможно для него — возможно и для нас, если только мы так откроемся Богу и дадим Ему просто любить через нас, действовать через нас, быть посредством нас среди людей обездоленных, как Царство Божие, уже пришедшее в силу. Аминь!

Вознесение Господне³⁵⁹

26 мая 1971 г. Мк 16:9—20

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Раньше чем сказать вам несколько слов о сегодняшнем празднике, хочу передать вам привет, любовь, молитвы русских и нерусских людей, принадлежащих к Русской Православной Церкви за границей, в Западной Европе. Молитвы их всегда с вами, любовь их к родной Церкви, к родной земле, к родному народу не гаснет, и передается она из поколения в поколение в скорби сердца и с горением сердечным. Примите этот привет от тех, кто почти столетия не прикасался к священной Русской земле и не молился в

родных храмах, но кто перед престолом Божиим неразлучно соединен с людьми одной с ними веры и одной крови.

Хочу сказать вам несколько слов о сегодняшнем празднике. Господь в Своем Евангелии, как повествует евангелист Иоанн, говорит: когда Сын Человеческий будет вознесен от земли, Он всех привлечет к Себе (Ин 12:32). И эти слова относятся к двум событиям в жизни Спасителя, Сына Божия, ставшего Сыном Человеческим, братом нашим по плоти, как об этом говорит сам евангелист и как повторяют и отцы Церкви.

Христос был вознесен от земли на невысокий крест страданий. Он так возлюбил мир, каждого человека, каждую потерянную душу, что захотел нас ради принять Страсти и смерть. И сердца многих обратились к Нему, когда люди увидели, что Бог способен на такую любовь к человеку, что Он не стыдится стать одним из нас. Он облачается в нашу плоть. Гаснет Его слава, принимает Он образ раба угнетенного и умирает, потому что Он так любит человека и так в него верит. Многие сердца обратились тогда к Нему, многие были тогда к Нему привлечены. Для апостолов это был решительный перелом их жизни, для сотника, который стоял у креста, это было откровение о Боге, и по их свидетельству родился весь христианский мир. Да, смертью Он привлек многих к Себе.

Но Он включил в эти Свои спасительные Страсти не только тех, которые тогда сумели отозваться на Божественную любовь и на веру Божию в человека. Распинаемый, Он молился: *Отче, прости им, они не знают, что творят* (Лк 23:34). И в этой молитве Он собрал в Свое сердце тех, которые Его пригвождали ко кресту, тех, которые Его предали, тех, которые Его несправедливо судили, тех, которые Его били на судилище Пилата, тех, которые на Него клеветали, — всех Он включил в эту Свою любовь. И когда Господь вознес эту молитву — неужели не услышал Отец? Христос Своей кровью, Своим страданием, Своей смертью заслужил право прощать, и Он простил. И нет такого человека, который так или иначе не под защитой этой молитвы Господней: прости им, Отче, они не знают, что творят... Не знаем мы, христиане, *что* творим, когда живем недостойно Евангелия, не знают гонящие Церковь, *что* творят, когда восстают на Живого Бога и на Христа Его. Но всех объемлет молитва Христа: прости им, Отче, не знают, что творят... В этом отношении не только некоторых Он привлек к Себе — Он как бы узлом любви связал всех и всех вознес молитвой к престолу Господню. Тайна спасения глубока, мы не знаем, *что* в последний час решит Господь о каждом из нас и о тех, в спасении которых мы так легко сомневаемся.

Но Господь еще и иначе влечет нас с Собой, ввысь. В этот день Вознесения Он человеческой, хотя и прославленной, воскресшей плотью Своей вознесся на Небо, и с Ним человечество наше вступило в таинственные глубины Всесвятой Божественной Троицы. Святой Иоанн Златоустый в одной из своих проповедей говорит: если ты хочешь измерить величие человеческое, не взирай на престолы царей, не оглядывайся туда, где живут мощные, властные мира сего; вознеси взор свой к Престолу Божию, и там увидишь сидящего одесную славы Отчей Сына Человеческого. Он нам явил нашу истинную природу, наше подлинное призвание, то место, куда мы призваны, — одесную Бога и Отца.

Но путь этот нелегок, хотя сила — не от нас, а от Самого Бога. Не своей силой взойдем мы на Небо, не своей силой обретем мы спасение. Когда апостол Петр спрашивал Христа: кто же может спастись? Его ответ был: человеку это невозможно, но Богу возможно все (Мк 10:27). Нemoшь наша не помешает нам подняться до престола Господня, пасть у ног Спасителя, испросить милость себе. Апостол Павел приводит слова Христа к нему: сила Божия в немощи совершается (2 Кор 12:9). Не в той, столь нам обычной немощи, когда

мы ленивы, бессильны, когда мы не пользуемся той крепостью, которая Господу принадлежит и которую Он нам так щедро дает. Но другой: немощи гибкой, послушной души, немощи, которая заполняет человека, когда сила Божия через него и в нем действует. Как хрупкий, слабый парус наполняется ветром и влечет за собой корабль, так и немощь человеческая может быть преисполнена дуновением, дыханием Святого Духа и повлечь нас к победе, к тому берегу, где вечная жизнь.

В немощи — да, сила Божия совершается, но для этого надо отдаться в руки Божии, для этого надо отозваться сначала на то вознесение Господне на крест, которое нам открывает любовь Господню к нам и свидетельствует, как Господь верит в человека. Он готов стать одним из нас и умереть в уверенности, в победоносной надежде, что Его смерть отзовется в каждом сердце, превратит каждую жизнь из земной в небесную и каждого из нас в члена — живого, трепетного, хрупкого и, однако, непобедимого — Тела Христова.

Одно нас может остановить. Вспомните рассказ евангельский о том, как Христос говорил на пути в Иерусалим Своим ученикам, что Ему надлежит умереть на кресте и воскреснуть (Мф 20:18—19). Тогда двое из них, забыв, не заметив, пройдя мимо страшной вести о грядущих страданиях Христа, подошли к Нему, помня только о Его победе, и стали Его просить, чтобы, когда Он воцарится, им было дано сесть по правую и по левую руку Его. Тогда Господь строго их предупредил, тогда Он им сказал: можете ли вы креститься тем крещением, которым Я буду креститься? (что в переводе с греческого языка означает: готовы ли вы погрузиться в то, во что Я буду погружен, в ужас, в который Я должен уйти с головой?), готовы ли вы пить чашу, которую Я буду пить? Иначе сказать: раньше чем вы сядете в Моей славе, готовы ли вы по дружбе со Мной, по любви ко Мне разделить Мою земную участь? И они ответили: да. Они опомнились тогда, поняв, что просили покоя себе — кровью Христовой. Христос им напомнил, что если они с Ним едины, то они с Ним должны пролить кровь, пройти муку, принять крест, последовать за Ним, куда бы Он ни пошел: не только во славу, но и на плаху, в страшную Гефсиманскую ночь, на избиение у первосвященника и у правителя Пилата.

И так и нам говорится словами отцов: пролей кровь и примешь дух. Это кажется иногда страшными словами, но если вспомнить победу Господню над крестом, победу над смертью, победу над злом, победу над ненавистью, вознесение во славу, если вспомнить несметное число и мужчин, и женщин, и детей, которые так поверили Богу, что они прошли Христовым путем, — и мы можем устремиться по этому пути с верой не в нашу силу, а именно в нашу немощь, зная, что потому мы непобедимы, потому Церковь *неодолима*, что мы немощны, но что с нами Бог и что сила Божия в немощи совершается. Да будет так во веки веков! Аминь.

О Вознесении Господнем и Пятидесятнице³⁶⁰

18 мая 1980 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы находимся сейчас между праздником Вознесения Господня и праздником Святой Троицы, и мне хочется сказать нечто, относящееся и к тому, и к другому.

Пророк Исаия в 53-й главе своего пророчества говорит о грядущем Мессии: Он был изъязвлен за грехи наши, взял на Себя, на Свои плечи немощи наши, и язвами Его, ранами Его мы исцелились (Ис 53:5). И когда мы думаем о Христе воскресшем, являющемся Своим ученикам, дающем им осязать Свои руки, призывающем апостола Фому испытать

реальность и глубину ран, которыми изъязвлены Его руки, ноги и бок (Ин 20:27), мы упускаем нечто из виду.

Мы забываем, что вознесшийся Христос вознесся с изъязвленной, раненной нашим грехом плотью Своей и что каким-то непостижимым образом не только воскресший, но и вознесшийся Христос, вступивший в славу Божию, сидящий одесную Бога и Отца, несет на Своей человеческой плоти раны, которые Ему нанесены человеческим грехом. Он все еще несет на Своих плечах человеческую немощь, и Воскресение Христово, и страшная Страстная седмица сейчас как бы включены в тайну Троицединного Бога, Троицы Святой, непостижимой, великой. Вся скорбь земли, вся боль, весь ужас легли на Христа, но Он не сбросил их ни Воскресением, ни Вознесением Своим во славе. Христос остается Агнцем Божиим, до сотворения мира закланным за спасение мира.

И когда в день Святой Пятидесятницы — тот день, который мы празднуем как день Святой Троицы, — Он посылает Своего Духа на учеников, на апостолов, на Церковь, в мир весь, Он посылает Его нам как бы двойко. С одной стороны, мы — Тело Христово, живое, трепетное: измученное и изъязвленное за тысячелетия Тело Христово, носящее, по слову апостола Павла, на себе раны Спасителя, восполняющее в себе то, чего недоставало земной скорби и телесному страданию Христа (Кол 1:24). Из столетия в столетие Церковь призвана быть Телом Христовым, ломимым во спасение человечества. И мы как Тело это (как бы ни были недостойны этого) потому только, что мы — Христовы, потому что мы — Церковь, приобщены дару Святого Духа.

Но Дух Святой сходит на нас не только потому, что мы уже, непостижимым образом, соединены со Христом, а потому также, что мы немощны, мы бессильны, мы греховны и только сила Божия, совершающаяся в немощи человеческой, может нас спасти. Получаем мы Духа Святого не только как Тело Христово, но порознь и вместе как грешное общество и как грешники, отчаянно нуждающиеся в силе Божией для спасения нашего.

И поэтому к празднику, который грядет на нас в будущее воскресенье, мы должны готовиться особенным образом: мы должны прийти в немощи нашей, но со всей открытостью, со всей тоской по Богу, со всем голодом и со всей жаждой нашей о том, чтобы пришел Господь, чтобы ожила душа наша, чтобы изменилась жизнь наша. Проведем же эту неделю вдумчиво: проведем эту неделю в ожидании и в молитве, чтобы, когда мы вместе будем петь Духу Святому призывную молитву: *Прииди и вселися в ны!* — это была не очередная молитва, а завершение всей нашей тоски по Богу, всей любви нашей к Богу и чтобы немощь наша открылась Ему, как душа может открыться любви, радости.

И тогда, как бы ни были мы греховны и немощны, мы сможем воспринять вновь и по-новому бóльшую меру благодати, которая нас делает более близкими и более своими Богу — Тому Богу, Который вошел во славу с плотью, изъязвленной грехом нашим, неисцеленной, потому что грех наш еще пребывает.

Как дивен наш Бог! С какой благодарностью мы можем о Нем думать! Мы, полуверки, мы, живущие так плохо, Им любимы. Он в нас верит, на все надеется и силой Своей все нам может дать, если только мы дадим Ему право, власть над нами, простор действовать свободно. Будем же готовиться благоговейно к приходу Духа Святого на нас. Аминь.

Рождество Божией Матери ³⁶¹

20 сентября 1968 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Всякий праздник Божией Матери — это чистая радость. Это радость не только о любви Божией к нам, это радость и о том, что земля — наша простая, родная, обычная земля — может так ответить на любовь Господню.

В этом для нас радость особенная. Когда мы от Бога получаем милость, ликует наше сердце. Но иногда делается тоскливо: чем, чем мне воздать за любовь, где найти ту святость, ту ласку, ту способность отзываться всем естеством на милость Божию? И тогда, хотя мы знаем, что каждый из нас слаб и немощен в любви, мы можем подумать о Матери Божией. Она за всех ответила совершенной верой, никогда не колеблющейся надеждой и любовью, такой широкой, что Она сумела обнять этой любовью и небо, и землю, открыться любовью так, что воплотился Сын Божий, и так открыться любовью к людям, что все, самые грешные, могут к Ней прийти и получить милость. Это — ответ всей земли, это ответ всей вселенной на любовь Господню.

И вот будем радоваться и унесем радость сегодня из этого храма — не на одно только мгновение. Будем ее хранить изо дня в день, будем изумляться этой радости, будем ликовать этой радостью и станем эту радость давать людям, чтобы всякое сердце и возликовало, и утешилось, и просветилось этой радостью о том, что земля может вместить небо, что человек может ответить Богу так, что Бог стал человеком.

И теперь, из века в век, пока мир стоит, Бог среди нас, Христос Тот же Самый среди нас, изо дня в день. И когда будет проявлена, открыта слава земли и неба, Господь Иисус Христос, истинный Бог, но и истинный человек, будет среди нас пребывать Божией Матерью, Которая дала Ему плоть Свою любовью, верой, святостью, благоговением.

Будем хранить, беречь, растить эту радость и ею жить во дни скорби, во дни темные, во дни, когда нам кажется, что ни на что мы не способны, что ничем не может земля ответить на любовь Божию. *Ответила* земля, и стоит этот ответ вовек с воздетыми руками, молясь о нас всех, и о добрых, и о злых, никогда не стоя поперек пути спасения, всем прощая. А Она имеет *что* простить: ведь люди Сына Ее убили — и к Ней мы прибегаем. Потому что если Она простит, то никто нас не осудит. С какой верой приходим мы к Божией Матери, как глубока она должна быть, чтобы каждый из нас, который своими грехами и своим недостойнством участвует в смерти Христовой, мог бы сказать: Мать, я погубил Сына Твоего, но Ты прости! И заступает за нас, и милует, и спасает, и вырастает во весь рост любви Господней. Слава Богу за это, слава Матери Господней за эту Ее любовь! Аминь.

Успение Божией Матери

28 августа 1985 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

На этой неделе Православная Церковь празднует Успение Божией Матери. Успение — слово славянское, оно значит, что Божия Мать уснула, как говорили в древности, *сном земли*, умерла. Но в слове «умереть» много горечи, чувства поражения. В слове «успление» — чувство покоя. И действительно, в празднике Успения мы радуемся о том, что Божия Мать, Чьей верой Христос пришел на землю, Чьей верой Он был свободен совершить Свой трагический путь, уснула сном земли, и что в этот момент Она снова оказалась лицом к лицу с воскресшим и вознесшимся на небо Своим Сыном и Своим Богом. В Успении, как во всякой смерти, есть трагедия: человек не рожден для того,

чтобы умереть, — но есть и дивная встреча, встреча живой души со своим Богом. Каждый из нас, умирая, так встретит Бога. Но все мы, в той или другой мере, отуманены, осквернены грехом — Божия Матерь, Пречистая Дева Богородица могла войти в вечность и вступить в свет вечности, не внося в него никакой тени. Она вошла в жизнь, будучи Матерью Жизни вечной на земле, и мы ликуем о Ее Успении и радуемся о том, что, по преданию церковному, земля не удержала Ее бранных останков, что Она и плотью воскресла и что Она — первенец из мертвых после Христа Воскресшего. Аминь.

Праздник иконы Божией Матери «Нечаянная Радость»³⁶²

21 декабря 1969 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Хочу поздравить вас с днем «Нечаянной Радости». Сколько у нас могло бы быть нечаянных, неожиданных для нас радостей, если бы мы сердцем совсем открытым воспринимали все, что нам дается в жизни. Беда в том, что мы обедняем свою радость, считая ее естественной, а горе — помрачением того, что должно быть в жизни. Мы ожидаем радости, мы требуем радости, и когда она нам не дается, мы делаемся душевно тусклыми, печальными, темнеем.

А вместе с тем сколько радостей в это же самое время проходит совершенно незамеченными. Мы все считаем свое тело своей собственностью, своим достоянием, оно должно нам служить верой и правдой, должно быть безболезненно. А люди, много и долго болевшие, вдруг выздоровев после многолетних страданий, чувствуют, что тело — такое дивное. Как бывает удивительно для человека, который годами еле мог двигаться, — что он ходит, еле стоял, — что он может стоять, еле мог дышать, — что он свободно дышит, и так далее. Чтобы жизнь наша была богата радостью именно нечаемой нами, такой радостью, о которой мы и не думаем, мы в первую очередь должны научиться никакую радость не считать естественной, полагающейся, долгом Божиим по отношению к нам, должны уметь дивиться каждой радости, которая приходит. Ведь каждая радость — это знак ласки Божией или человеческой ласки и любви. Если бы только мы задумались над тем, сколько труда, заботы Божией и человеческой за тем куском хлеба, который мы едим, — как мы этот хлеб держали бы в руке, дивясь, что этот хлеб, по слову одного нашего русского молодого богослова, — это Божия любовь, ставшая для нас пищей³⁶³. И так — воздух, так — тело, так — ум, сердце, все.

И вот мне хочется сказать вам об одной особенной, действительно нечаянной радости, которая случилась в нашем лондонском патриаршем приходе именно теперь, вблизи от праздника «Нечаянной Радости». В какой-то день после богослужения ко мне подошел в волнении церковный сторож и сказал: «Владыка, Иверскую украли!» Небольшую Иверскую икону Божией Матери XVII века украли во время службы. Что делать? Я ему сказал молчать и молиться о том, чтобы она вернулась. Я ее заменил другой иконой — через две недели пропала и та во время службы. Сторож доложил мне. Я молился во время литургии: что нам делать? И в конце службы я вышел к народу и сказал: «Вот что случилось — два раза подряд какой-то человек во время богослужения украд иконы. Мы можем отнестись к этому двояко: или видеть в этом кощунство и молить Бога, чтобы Он наказал преступника, или задуматься над тем, что может человека побудить совершить такое дело. Что у такого человека делается в душе, если он приходит в церковь, где люди молятся, где все открыто, уязвимы, незащищены, и вот — уносит образ. Как страшно за

него, и как больно за него, и как жалко его!» И мы решили молиться о нем. Молиться просто о человеке, о котором мы ничего не знали, кроме того, что он украл дорогие нам иконы. Не драгоценные, а дорогие, потому что все иконы в нашем храме кем-нибудь даны от убожества своего. И еще о том молиться мы постановили, чтобы эти иконы принесли благословение и тому, кто их взял, и тому, кому они достанутся. Так мы молились в течение около полугода.

В какой-то вечер ко мне постучался человек и говорит: «Владыка, исповедаться хочу». Не знаю почему, но я ему сказал: «Нет, я не буду слушать твоей исповеди, ты мне скажи: что ты сделал и почему ты пришел?» Он ответил: «Хорошо, я украл ваши иконы и надеялся получить от вас разрешение...» Я сказал: «Так ты его не получишь. Скажи: ты еще у кого-нибудь крал, много крал?» — «Да». — «Так ты вернись домой, собери все, что ты украл, и иди из дома в дом, звони и говори людям, твоим друзьям (потому что крал-то он у друзей своих, он не такой вор, чтобы красть с опасностью), пойдя к каждому из твоих друзей, кто тебе доверился и был обманут тобой, и скажи: „Я тебя обманул, теперь я тебе принес краденое — прости!“». И я прибавил: «Будь готов, что тебя могут не простить, что тебя могут выгнать вон, вызвать на суд — будь к этому готов и скажи с радостью „да“». Он пошел, сказав: «Часов до одиннадцати придется ходить». Но в одиннадцать он не пришел. Я его ждал и до полуночи, и дальше, и болела душа: значит, испугался, значит, этот порыв у него умер перед страхом, перед стыдом — ложным стыдом, потому что перед Богом стыда-то не было, а перед людьми испугался. Я молился, как умел. А на следующее утро, уже в двенадцатом часу, он снова постучался в дверь. «Что же ты вчера не пришел?» — «Слишком много кражи было, весь вечер ходил, все утро ходил, теперь возьмите и ваши две иконы». Тогда я его взял исповедоваться. Молились, я ему дал разрешительную молитву. Это было именно сразу после праздника «Нечаянной Радости», а в следующее воскресенье я говорил в приходе проповедь о том, что Божия Матерь сделала, как Она сумела превратить преступление в новую радость, в нечаянную радость, в нежданную, негаданную радость. Ведь подумайте: Она действительно с ним пошла, Она действительно возбудила в его сердце покаяние, Она действительно его привела обратно, к Сыну Своему и Богу, как раз перед Рождеством Христовым, тем днем, когда Христос стал человеком, чтобы спасти погибших.

Вот вам пример. Пример богатый, потому что он говорит не только о том, как человек может каяться, но и о том, как мы можем надеяться против всякой надежды, любить там, где так и напрашивается гнев, раздражение, обида, — любить «безумно». Потому что все Евангелие, в сущности, «безумие» по суду человеческому. Так по-человечески не живут, так живут только по-Божьи.

Какую радость Господь нам дал! Этой радостью хочу с вами поделиться. Этот Миша, который крал иконы, теперь прислужник в приходе, наш, вернее, не наш — Божий. И это сделала Матерь Божия. Вот какие бывают действительно нечаянные радости. И таких радостей могло бы быть много, если вместо того, чтобы быть подозрительными, мстительными, злыми, мы готовы были бы потерпеть убыток, а любовь не потерять. Аминь.

Воздвижение Креста Господня

27 сентября 1959 г. 1 Кор 1:18—24; Ин 19:6—11, 13—20, 25—28, 30—35

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы сегодня поклоняемся с трепетом и благодарностью Кресту Господню. Как две тысячи лет тому назад, Крест Господень остается для одних соблазном, для других — безумием, но для нас, верующих и спасаемых Крестом Господним, он является силой, он является славой Господней.

Трепетен Крест Господень, это орудие жестокой, мучительной смерти. Самый ужас, который нас охватывает, когда мы взираем на это орудие, должен нас научить мере любви Господней. Так возлюбил Господь мир, что Он Сына Своего Единородного отдал, для того чтобы спасти мир. И после воплощения Слова Божия, после жизни Христовой на земле, после того как Он провозгласил Божественное учение в слышание всех народов и Свою проповедь любви подтвердил, доказал смертью без злобы, смертью, к которой не примешалось ни одно мгновение противления, мести, горечи — после всего этого наш мир уже не прежний мир. Его судьба не проходит трагически страшно и мучительно перед Божиим судом, потому что Сам Бог вошел в судьбу мира, потому что наша теперешняя судьба связала вместе Бога и человека. Крест нам говорит о том, как дорог человек Богу и как дорого стоит эта любовь. На любовь можно ответить только любовью — ничем другим нельзя откупиться за любовь.

И вот перед нами стоит вопрос — вопрос совести пока, который в свое время Господь на Страшном суде нам поставит, когда Он встанет перед нами не только в славе Своей, но встанет перед нами изъязвленный за грехи наши. Ибо Судья, Который будет стоять перед нами, это Тот же Самый Господь, Который жизнь Свою отдал за каждого из нас. Что мы ответим? Неужели нам придется ответить Господу, что Его смерть была напрасна, что Крест Его не нужен, что, когда мы увидели, как много нас любит Господь, у нас не хватило ответной любви, и мы ответили Ему, что предпочитаем ходить во тьме, предпочитаем руководиться страстями, похотями нашими, что для нас дороже широкая дорога мира, чем узкий путь Господень?

Пока мы живем на земле, мы можем себя обмануть, что есть еще время. Но это неправда, времени страшно мало. Жизнь наша может оборваться в одно мгновение, и тогда начнется наше стояние перед судом Господним, тогда будет поздно. А теперь есть время, время есть, только если мы каждое мгновение нашей жизни превратим в любовь, только если мы каждое мгновение жизни превратим в любовь к Богу и любовь к каждому человеку, нравится он нам или нет, близок он нам или нет, только тогда наша душа успеет созреть к встрече Господней. Всмотримся в Крест. Если бы близкий нам человек умер за нас и из-за нас, разве наша душа не была бы до самых глубин потрясена? Разве бы мы не изменились? Господь умер — неужели мы останемся безучастны?

Поклонимся Кресту, но поклонимся не только на мгновение: поклонимся, склонимся под этот Крест, возьмем, по мере наших сил, этот крест на свои плечи и пойдем за Христом, Который нам дал пример, как Он Сам говорит, чтобы мы за Ним последовали. И тогда мы соединимся с Ним в любви, тогда мы станем живыми страшным Крестом Господним, и тогда Он не будет стоять перед нами, осуждая нас, но спасая и вводя в бесконечную, торжествующую, победную радость вечной жизни. Аминь.

О страхе Божиим³⁶⁴

28 декабря 1974 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В псалме, который поется в конце вечерни, царь Давид говорит: послушайте меня, чада, страху Господню научу вас (Пс 33:12). И хотелось бы сейчас сказать несколько слов об этом страхе Божиим и о том, чему он может нас научить.

Бояться Бога не значит страшиться Его. Страшатся рабы, страшатся люди подъяремные, боятся оскорбить своего властелина те, которым страшно от него получить наказание, и те, которые боятся лишиться награды. Но не таков сыновний, дочерний страх. Мы знаем этот страх по нашему человеческому опыту. Как нам страшно бывает огорчить дорогого нам человека, с каким трепетом мы думаем о том, что самый любимый нами человек может быть ранен нашим словом, взглядом, поступком, мы страшимся даже того, как бы мысль наша «не та» его не коснулась. Любимый человек — святыня для нас, и боимся мы, как бы эту святыню не осквернить, этого человека не унизить.

Таков должен быть наш страх по отношению к Богу. Мы должны бы Бога знать так близко, так коротко, как мы знаем родного человека, и больше того, потому что родной человек нам в какой-то мере остается чужим, он вне нас, Бога же мы познаем в какой-то тайне взаимного проникновения. Апостол Павел нам говорит о том, что Святой Дух в нашем же собственном сердце стонет с нами, в нашем же собственном сердце произносит слова молитвы, которые мы потом сами, свободно можем вознести к Богу (Рим 8:26). Знаем мы Бога, потому что Он более глубоко в нас внедрен, чем самая жизнь наша, Он — Жизнь нашей жизни, Он — огонь, тепло, свет в нас самих. Как Он нам близок! И потому апостол Павел и может говорить, что мы не смеем, не должны — он умоляет нас, чтобы мы не огорчали Духа Божия, живущего в нас (Еф 4:30). Вот страх, которому мы должны научиться, — трепет, который нас охватывает, когда мы общаемся глубоко-глубоко с самым близким нам другом, с самым близким нам человеком.

И Церковь, то есть совокупность всех тех людей, которые так знают Бога, для которых Бог стал свой, родной, Отец, а Христос, как говорится в сегодняшнем Евангелии, Брат для нас, Церковь, которая является совокупностью всех этих людей, должна была бы быть полна такого света, такого трепета, и не только перед Богом, но перед всяким человеком. Ведь Господь, Бог наш стал человеком, с тем чтобы войти в область смерти, в которой мы живем, прожил нашей жизнью и умер страшной смертью по любви к каждому из нас, и не только нас, здесь собравшихся, а нас, людей, Он пришел не праведников спасать, Он пришел взыскать и спасти погибшего (Мф 18:11). А взыскать — это не значит ждать, чтобы погибший нашел дорогу, взыскать значит оставить собственное место покоя, это значит пуститься в далекий, иногда опасный путь для того, чтобы найти потерянного. Вспомните притчу о пастухе, оставляющем девяносто девять овец, которые в сохранности, потому что одна овца потерялась в пригорках (Мф 18:12—13). Девяносто девять овец он не забывает, но он знает, что они уже в верном месте, а ту овцу, которая отбилась, — надо найти, надо найти спешно, надо ее и утешить, что она не потерялась, надо согреть ее, потому что мир вокруг нее был холоден и жесток, надо привести ее в то место, где и она найдет радость, любовь, ласку.

Нам кажется часто, что Церковь — это мы, православные люди, уже уверовавшие во Христа, собирающиеся в Его имя в Его храмах. Да, это правда, но кто-то из западных духовных писателей говорит, что христианин — это человек, кому Бог поручил заботу о всех людях, о тех заблудших овцах, о тех потерянных, растерянных, которых здесь нет. К ним должна простираться наша любовь и наша забота, о них нам надо раньше всего молиться. Но не так молиться, как молился фарисей, стоя в храме, зная, что он «по праву» стоит в этом храме, благодаря Бога о том, что он такой праведный, что он Бога знает, что он соблюдает посты, что он знает все правила молитвы, что он чист (Лк 18:11—12). Молиться надо о потерянных и пропавших, как молится человек, когда собственный сын

или дочь пропали без вести, когда отец или мать пропали без вести, так что сердце не находит себе покоя. Болит, болит душа, не может утешиться человек о том, что самый дорогой — жених, невеста — исчез и никто не знает, куда унесла его горькая судьба. Так надо думать о тех, которых нет среди нас, такой любовью, такой жалостью, таким состраданием, такой молитвой.

И вот бывает (и это так страшно видеть, и еще страшнее, когда вдруг обнаружишь, что сам в этом виноват): вошел в храм человек, и вдруг все вокруг дают ему почувствовать, что он лишний и чужой, что нет ему места: он не так одет, он не так держится, он не знает, как креститься, он не пришел так, как надо было прийти. Он пришел, может быть, первый раз в жизни, в поисках Бога, а вместо Бога он находит фарисейское общество людей, которые «знают» все обо всем, только одного не знают — любви, только одно забыли — сострадание, одного только не помнят: что Христос пришел в мир грешных спасти, а не праведных, что Он пришел и Его еще при жизни упрекали в том, что Он ест с мытарями (Мк 2:16), общается с людьми, от которых делается стыдно приличным людям. И все мы, православные христиане — увы, себя чувствуем «приличными» людьми.

Мне вспоминается, как я раз вошел в храм — неправославный, но это могло бы случиться и в нашей среде — и увидел надпись: «Нищим вход запрещен». Это был храм, где собирались люди, для которых лишни были нищие, лишни немытые, лишни бедные — лишни во всех отношениях, не было им там места. Я помню старика нищего, который там подошел к священнику и спросил: «Скажите, а где Хозяин? Вы меня сюда не пускаете, а ваш-то Хозяин с нами ел и пил, и пришел нас спасать — не вас, мытых». И мы все «мытые», мы все праведные, чистые. Мы все знаем о том, как в церкви поступать, — а вот приди чужой человек: разве мы первым взором вглядываемся в его душу? Разве первое наше движение: ты нам брат, ты нам сестра, иди, иди сюда! Тебе, может быть, некуда уйти, у тебя, может быть, нет друзей, тебя, может быть, никто не любит, ты, может быть, потерял уважение к себе, ты, может быть, заслужил презрение от всех? — иди к нам. Здесь никого не презирают, потому что мы все грешники перед Богом, а Бог наш — о чудо! — Бог наш такой, что Он открывает Свои объятия грешнику, зовет грешника, никого не отталкивает, моет ноги Своим ученикам (Ин 13:5—15). Подумайте об этом.

Есть место в девятой главе Евангелия от Иоанна, где рассказывается, как Христос исцелил слепорожденного (Ин 9:1—38). В конце этого рассказа Христос обретает этого человека в храме и его спрашивает: веришь ли ты в Сына Божия? Прозревший слепой Ему отвечает: а кто же Он, чтобы я веровал в Него? И Христос ему говорит: ты Его видишь, Он говорит с тобой... Слова обычные для нас. Мы все зрячие, мы все что-то видим все время — друг друга видим, здания видим, небо видим, все видим за исключением, часто, человеческого горя, на которое мы закрываем глаза. Но для того человека эти слова, должно быть, были потрясающие. Он ведь никогда, никогда за всю свою жизнь не видел никого и ничего. И когда Христос чудом открыл его глаза, что он первое увидел? на чем остановился его взор? — на лице Христа. Первое, что он увидел, это Бога своего, ставшего человеком, с тем чтобы его, его спасти. Первое, что ему открылось, это глубоко глядящие ему в душу глаза Божественной любви.

И вот приходят люди — к нам в храм, в православные храмы и в России, и вне ее. У них начинают открываться глаза на что-то. Они сначала были ослеплены: ослеплены видимым миром, всем тем, что бросается в глаза, что требует внимания. В какой-то момент вдруг человек почему-то почувствовал, что этого мало, что в жизни, в мире есть невидимая глубина, и он стал ее искать и вошел в храм. И вот поставьте себе вопрос: когда он прошел через врата храма и вы на него посмотрели — что он увидел? Неужели он увидел лик Христов, глаза сострадательной любви, остановившийся на нем взор такой зрячей

любви, которая может перевернуть жизнь надеждой и уверенностью, что есть любовь, что есть Царство Божие? Увы, едва ли. Встретил он, вероятнее, любопытный взор, который его измерил, оценил, взвесил: свой аль не свой, или еще какой? Какой это ужас, какой это ужас!

Те из нас, которые пришли к вере от неверия, от безбожия, — неужели не могут вспомнить, как они первый раз пришли в храм, не зная, *что* они встретят. Они не были уверены, что Бога встретят в храме, только чуяла душа: может быть, там что-то есть? И как они могли бы — мы могли бы — обжечься о холодный, жгучий взор человека, который посмотрит и скажет: «Тебе тут места нет, ты не знаешь даже, как креститься, ты не так одет, ты смотришь вокруг вместо того, чтобы вперить свой взор в направлении иконостаса», и так далее... — стану ли описывать то, что происходит все время, и отчего люди уходят искать в другом месте то, что они должны были найти в нашей среде?

Было время, когда люди говорили: что за общество христианское, какая у них любовь! Может ли кто-нибудь теперь посмотреть на наше христианское общество и сказать: в них живет такая любовь, которой нет в другом месте на земле. Мне надо к ним пойти, потому что только там можно найти любовь, жизнь, радость, там каждый человек верит в каждого, верит в добро, верит в любовь, верит в будто невозможное — в то чудо, которое делает грешника святым. Церковь — единственное такое место. Неужели мы это место должны для других закрыть? А каким дивным местом могла бы быть Церковь, если бы она строилась нами как тело любви, если бы каждый человек, кто придет, мог бы встретить взор Самого Христа, сияющий из глаз каждого христианина! Аминь.

О Евангелии ³⁶⁵

Ноябрь 1975 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Многим Евангелие почти что кощунственно представляется как книга грозного Божиего суда, требований Господних, но как далек этот образ от живого чувства, которое Евангелие вызывает в том, кто читает его впервые!

Когда из глубины растерянности, греха или горя приступаешь к Евангелию, оно раскрывается как книга радости и надежды: радости о том, что среди нас Господь, не далекий, не грозный, а родной, свой, облеченный в человеческую плоть, знающий из личного Своего опыта, что значит быть человеком, а надежда в том, что на каждой странице Господь требует от нас, чтобы мы были достойны величия своей человечности, требует, чтобы мы не смели быть ниже своего достоинства и уровня, не дает нам стать меньше, чем человек, — хотя мы и грешим так часто, и недостойны бываем и себя, и Его. Какая надежда звучит в том, что Христос пришел грешных спасти и призвать к покаянию, что Он для грешных жил и умер, что к ним обращена Его проповедь, и какое откровение о Боге в этом образе Христа, воплотившегося Сына Божия!

Бог Ветхого Завета, Бог древних религий был Богом непостижимым, Богом страшным и, в Его святости, Богом недоступным. И вот в Евангелии раскрывается Бог доступный и простой — но какой ценой! Он стал человеком и через это отдал Себя во власть всей злобы и неправды земной. Он дал Себя на растерзание и на погубление, по любви к нам Он захотел быть таким же уязвимым, как мы, таким же беспомощно-беззащитным, как мы, таким же презренным, как мы бываем в глазах тех, кто верит только в силу и успех.

Вот каким раскрылся перед нами Бог. И Он нам открыл, что нет такой глубины падения, растерянности, и страха, и ужаса, в которую Он до нас не сошел, с тем чтобы, если и мы в нее падем, мы не оказались бы одни. В Гефсиманском саду Он, в борении и ужасе, встречал не Свою, а нашу смерть. И в течение всей Своей жизни Он был именно с теми людьми, которые нуждались, чтобы к ним пришел Бог, потому что они потеряли к Нему дорогу. Вот Бог, в Которого мы верим, вот Бог, Который крестной любовью и ликующей, торжественной любовью Воскресения нас возлюбил, искупил и открыл нам величие человека и нашего призвания. Поэтому станем жить достойно того звания, к которому мы призваны, радуясь о том, что с нами Бог! Аминь.

О встрече³⁶⁶

21 декабря 1969 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Какая радость бывает встретиться! Если бы только мы могли, если бы только мы умели так встречать Господа, как простой, сердечной, человеческой любовью мы умеем встречать друг друга, когда в сердце светло и тепло! Вот так, как сегодня, по вашей ласке, милости вашей, Божией и Богородичной любви мы встречаемся. Давайте же так ждать и встречать Спасителя, являющегося нам плотью в Рождестве.

Скажу еще: обращали ли вы когда-нибудь внимание на то, что все Евангелие — сплошная встреча? Ведь весь рассказ евангельский говорит нам не о каком-то учении, которое преподносится всем равно, безразлично, безлично. Каждое евангельское слово сказано кому-то, каждое событие евангельское — это встреча Христа с какой-то человеческой нуждой, со скорбью, с радостью, с горем, с болезнью, с грехом. Это всегда встреча лицом к лицу. И какая могла бы быть в нас постоянная радость, торжествующая, победоносная радость, если бы мы так воспринимали Евангелие, если бы, читая его, мы просто себе представляли образы. Вот толпа — такая, как мы теперь, иногда большая, как сегодня, иногда совсем маленькая, когда собирались только-только первые ученики. В этой толпе я — затерся где-то и слышу, как Христос говорит. Не обязательно со мной лично, но Он говорит с кем-то: не просто «вещает», не просто говорит кому угодно и никому. Он говорит женщине, у которой сын умер: *не плачь!* (Лк 7:12—13). Юноше, который спрашивает, как найти жизнь вечную: оставь все, только иди за Мной! (Мк 10:21). Больным, слепым, грешникам: прощаются тебе грехи...

Если бы нам помнить каждый раз, как мы слышим евангельские слова, что они не где-то звучат для других, а говорят мне или при мне — кому-то, кому они нужны. Может быть, в этой толпе один человек услышит то или другое слово Христово, которое сегодня было прочитано, может быть — многие. А мы все должны с трепетом стоять и думать: Христос говорит — и в чью-то душу входит жизнь, кто-то спасается, у кого-то горе утихает, у кого-то слезы текут, у кого-то вдруг разломилось каменное сердце, у кого-то вдруг надежда блеснула, вера разгорелась.

Какая радость — от встречи, от того, что Христос посреди нас. Ибо Воскресение Христово, которое мы с такой радостью поем (и не только в пасхальную ночь, но из недели в неделю в воскресный день), это же событие, которое не просто когда-то произошло, — это событие, которое нам современно. Потому что, правда, умер Христос на кресте в определенный год, в определенный день и час, и воскрес Он в третий день после этого, но воскресший Христос жив, Он среди нас. И Воскресение Христово, которое когда-то воссияло из гроба, сейчас сияет среди нас то ярко, а то тихим светом, о котором

мы поем на вечерне: *Свете тихий святых славы Небесного Отца*³⁶⁷. Христос то является нам во славе, а то пребывает среди нас, такой тихий, незаметный.

Вот в свете Евангелия и думайте о каждой человеческой встрече именно как о встрече — не просто о том, что люди столкнулись да разошлись, прошли мимо — и не заметили, кто мимо прошел. Так в евангельской притче о милосердном самарянине проходили бесчувственный левит и безответственный священник (Лк 10:30—37). А мы должны, как самарянин, остановить свой взор на каждом, никого не пропустить незамеченным, и когда слушаем — слышать, а не просто воспринимать звуки слов. Если бы только мы умели встречаться! По-сербски слово «встреча» значит «радость», а встречу они называют «сретением» — тем словом, которым мы называем праздник, когда Божия Матерь принесла Спасителя в храм и была встречена пророческим приветствием и Живым Богом (Лк 2:27—38). Встреча всегда могла бы быть радостью, если бы только мы умели встречаться.

Мы с вами — встретились. Сколько лет тому назад впервые я имел счастье молиться здесь, и вы меня встретили, как брата, как своего, не как чужого человека. И с тех пор мы ведь никогда не разлучались. Да, я уезжал за границу, но уезжал-то с вами в сердце, а вы оставались и, видно, тоже не забывали, потому что иначе мы никогда не встретились бы вновь с такой радостью.

А основная встреча евангельская — о ней все-таки хочу сказать — это встреча со Христом, с Богом, явившимся нам во Христе. Каково это явление? О Боге мы думаем в контексте славы, величия, как на иконах пишут Вседержителя. О таком Боге можно думать и молиться Ему в трепете, но Бог захотел нам явиться так, как ни один человек не мог себе Его вообразить, или представить, или даже подумать. Потому что Бога беспомощного, Бога смиренного, Бога уязвимого, побежденного, битого, мучимого, Бога как будто убитого никто себе не мог представить. Этот Бог нам явился. Он нам показал, что нет такой бездны, которая для Него слишком глубока, нет такой обездоленности, которая превосходит Его способность все отдать, всего Себя, до конца, чтобы поделиться с нами тем, что Он Сам есть: Жизнь вечная, вечная Радость, Сияние и Свет, Истина и Торжество. Этого Бога можно познать, только когда обездоленность, горе, несчастье, одиночество, сиротство вдрут нас охватят и будут держать в своих тисках.

Нам, оказавшимся за границей в двадцатые годы, Он открылся именно так. Мы оказались без Родины, отделенные от всего, что мы любили, от самых любимых и родных, чужими на чужой стороне, лишними и нежеланными; ничего не оставалось, кроме убожества. И вдруг мы обнаружили, что у нас есть Бог, Которого нам нечего стыдиться и Который нас не стыдится. Не великий Бог иконный, а тот смиренный Господь, Который стал человеком — хрупким, презренным, родившимся в маленьком городке небольшой страны, оккупированной врагами, порабощенной, — Раб бездольный. И мы обнаружили, что Он с нами может пойти в самую бездну нашего горя. Он все изведal, до самого края нашей обездоленности, Он гораздо дальше пошел, чем край, предел нашей обездоленности. Вдруг оказалось, что Он такой простой, такой родной, такой свой. Тогда стали понятны слова апостола: вы Богу уже не чужие, а свои (Еф 2:19). Не потому, что мы такие великие, а потому, что Бог смирился, ибо Он нас так любит.

И думалось: да, в горе; а что во грехе? что если вдруг падение? Неужели тогда Бога не найти? И прозвучали снова слова апостола Павла: там, где изобилует грех, преизобилует благодать (Рим 5:20). В самой глубине падения мы нашли Христа — спасающего, утешающего, призывающего жить, говорящего: Разве ты не видишь — Я верую в тебя так,

что Сам стал человеком, подобным тебе, чтобы ты мог поверить в Мою веру в человека, в Мою любовь.

В любовь мы могли верить, но иногда так трудно поверить, что вам верят и в вас верят. Любить можно и с какой-то долей презрения, свысока. А верить в человека можно только с благоговением. И воплощением Своим Христос нам говорит: в каждого из вас, кто здесь, в каждого из вас, кого здесь нет, кто Мне будто чужд, кто Меня не познал, кто даже образ Божий как будто потерял, — в каждого Я верю так, что готов всю Свою жизнь истощить и отдать, чтобы он поверил в Божию веру в человека.

Вот на чем мы стоим, вот о чем нам говорит воплощение Господне. Да, Он стал человеком, чтобы мы могли поверить в себя и поверить в брата. А если так, то мы все можем встретиться лицом к лицу; нам не надо отворачиваться от одного, для того чтобы взглянуть в другого. Каждому поверил Господь Свою жизнь и смерть. Это — встреча. Да, это встреча, из которой можно извлечь спасение, жизнь, радость. Давайте ждать Христа как того, кто единственный поверил в каждого из нас — не потому, что не знал, кто мы, а именно — зная о нас все, до самого глубокого нашего падения, не только на деле, но и в чувстве, в мысли, в помыслах. Христос как бы говорит: смотри, Я воспринимаю плоть человеческую, делаюсь человеком, чтобы ты знал и верил: Я верую в тебя, человек, становись по образу и подобию, к которому ты призван, — Человеком, как Я.

Встретим Христа с этой верой, с ликованием, хотя бы с надеждой, что даже у самого обездоленного есть кто-то, кто в него верит без конца, без границ, вплоть до крестной смерти.

А друг друга станем встречать, как нас учит апостол Павел: принимайте друг друга, как вас принял Христос (Рим 15:7), — не ожидая, чтобы сосед, ближний стал лучше, более похож на нас, более нам близкий, а какой он есть, ибо если любовью охватить человека, как пожаром, то он переменится, растает, станет человеком.

Дай нам Господь такую веру в человека пронести через всю жизнь, через весь мир, верующий и неверующий, чтобы каждый человек знал: когда сам он потеряет веру в себя, в него верит не только Небесный Бог, но и всякий человек, который назвал себя христианином. Аминь.

О чуде³⁶⁸

17 августа 1986 г. Мф 14:14—22

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Раз за разом мы читаем и в Евангелии, и в Ветхом Завете о чудесах и поистине можем видеть их на протяжении веков в жизни Церкви: чудеса исцеления, чудеса обновления человеческой жизни силой Божией. И иногда люди — все мы — задаем себе вопрос: что такое чудо? Значит ли, что в момент чуда Бог насилует собственное творение, нарушает его законы, ломает что-то, Им Самим вызванное к жизни? Нет, это было бы магическим действием, это значило бы, что Бог сломил непослушное, подчинил силой то, что слабо по сравнению с Ним, Который силен.

Чудо — нечто совершенно иное: чудо — это момент, когда восстанавливается гармония, нарушенная человеческим грехом. Это может быть вспышка на мгновение, это может

быть начало целой новой жизни: жизни гармонии между Богом и человеком, гармонии тварного мира со своим Творцом. В чуде восстанавливается то, что должно бы быть всегда, «чудо» не означает что-то неслыханное, неестественное, противное природе вещей, но, наоборот, такое мгновение, когда Бог вступает в Свое творение и бывает им принят. И когда Он принят, то Он может действовать в сотворенном Им мире или в каждой отдельной твари свободно, державно.

Пример такого чуда мы видим в рассказе о том, что случилось в Кане Галилейской (Ин 2:1—11), когда Матерь Божия обратилась ко Христу и на этом убогом сельском празднике сказала Ему: *Вина нет у них*. Сердца людей все еще жаждали человеческой радости, а вещество радости иссякло. И Христос обращается к Ней: что между Мной и Тобой, почему Ты Мне говоришь это? И Она не отвечает Ему прямо, Она обращается к слугам и говорит: *Что скажет Он вам, то сделайте*. Она отзывается на вопрос Христов действием совершенной веры. Она неограниченно верит в Его мудрость, и в Его любовь, и в Его Божественность. И в это мгновение, поскольку вера одного человека распахнула дверь, и для всякого, кто выполнит, что ему сказано, Царство Божие водворяется, в мир вступает новое измерение вечности и бездонной глубины, и то, что было иначе невозможно, становится реальностью.

И здесь мы поставлены перед лицом тех необходимых условий, которые делают возможной эту восстановленную гармонию. Прежде всего должна быть нужда, нужда реальная, не обязательно трагическая, она может быть и незатейливой, но она должна быть подлинной. И радость, и горе, болезнь и подавленность в равной мере нуждаются быть приведенными в нечто большее, чем земля, в нечто такое же просторное и глубокое, как Божественная любовь и Божественная гармония.

Должна быть также беспомощность: пока мы думаем, что мы можем что-то сделать сами, мы не даем Богу пути. Мне вспоминаются слова одного западного святого, который говорил: «Когда мы в нужде, мы должны передать все попечение Богу, потому что тогда Он должен что-то сделать, чтобы отстоять Свою честь». Да, пока мы воображаем себя хоть отчасти хозяевами положения, пока мы говорим: «Я сам — Ты только немножко помощи», — мы не получим помощи, потому что эта помощь должна разметать все человеческие ухищрения.

И следующее — это Божественное сострадание, о котором мы слышим так часто в Евангелии: *Милосердова Христос* (напр., Мф 20:34, Мк 1:41). Христос сострадает, Христос жалеет, и это значит, что Он посмотрел на людей в нужде, которые ничем не могут облегчить своей нужды, и испытал боль в Своем Божественном сердце: вот люди, чья жизнь должна быть полнотой и торжествующей радостью, — а они измучены нуждой. Иногда это голод, иногда это болезнь, иногда — грех, смерть, одиночество: что угодно, но Божия любовь может быть только или ликующей, торжествующей радостью, или распинающей болью.

И вот, когда соприсутствуют все эти элементы, тогда устанавливается таинственная гармония между Божией скорбью и человеческой нуждой, человеческой беспомощностью и Божией силой, любовью Божией, которая выражается во всяком: и в великом, и в малом.

Поэтому научимся такой чистоте сердца, такой чистоте ума, которая сделает нас способными обращаться к Богу с нашей нуждой, не пряча от Него своего лица; если же мы недостойны приступить к Нему, то приступим, припадая земно к Его ногам, и скажем: Господи! Я недостойн, я недостойна! Я недостойн стоять перед Тобой, я недостойн Твоей любви, недостойн Твоего милосердия, но вместе с этим я знаю Твою Любовь еще больше,

чем я знаю свое недостойнство, и вот я прихожу к Тебе, потому что Ты — любовь и победа, потому что в жизни и в смерти Твоего Единородного Сына Ты явил мне, как дорого Ты меня ценишь: цена мне — вся Его жизнь, все страдание, вся смерть, сошествие во ад и ужас ада, ради того, чтобы я только был спасен.

Станем же учиться этой творческой беспомощности, которая заключается в том, чтобы оставить всякую надежду на человеческую победу ради уверенного знания, что Бог может то, чего мы не можем. Пусть наша беспомощность будет прозрачностью, гибкостью, всецелым вниманием — и вручением Богу наших нужд: нужды в вечной жизни, но и незатейливых нужд нашей человеческой хрупкости — нужды в поддержке, нужды в утешении, нужды в милости. И всегда Бог ответит: если хоть немножко можешь поверить, то все возможно! Аминь.

Проповедь новобрачным³⁶⁹

18 июля 1981 г.

В день вашего брака, в апостольском чтении на литургии, Господь дал вам слово: *друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал 6:2). И еще: мы стояли сегодня с возжженными свечами, свидетельствуя о радости, о том, что вашим браком вечность вступила во время, что Царство Божие приблизилось, ибо сказано: Царство Божие уже пришло, когда двое уже не двое, а одно. И, однако, это единство, которое составляет Царство Божие, дается зачаточно, а должно быть возвращено подвигом. Ибо любовь есть и радость, и умиление, и ликование друг о друге, но любовь есть тоже подвиг: *Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов*.

Часто на иконах Рождества Богородицы вставка: Иоаким и Анна, стоящие и держащие друг друга в объятиях. Это, может быть, самый прекрасный образ человеческой ласки и человеческой любви, которая может быть так чиста, так глубока, которая может быть такой силой, что она раскрывается всему святому, всему небесному и может родить самое святое, что земля может понести. Цените, храните ту человеческую любовь, которая вас привела друг ко другу и которая вас соединила.

Спаситель нам сказал: *Верьте в свет, и вы будете чада света* (Ин 12:36). Бог вас дал, даровал друг другу, так же как Он даровал Ревекку Исааку и Исаака Ревекке (Быт 24); ваша встреча — в Боге, брак — Таинство, Священнодействие которого — Спаситель Христос, и не случайно, не напрасно мы Его просили быть здесь так, как Он был в Кане Галилейской (Ин 2:1—11), и Своим благословением сочетать вас в единство брака. Верьте во свет, в тот свет, который Господь зажжет в каждом из вас, и блюдите этот свет, храните его, защищайте его от всякого потемнения, и не бойтесь какой бы то ни было тьмы, какого бы то ни было полумрака, который на земле еще окружает всякий свет. Потому что свет во тьме светит (Ин 1:5), и даже тогда, когда тьма его не приняла и не стала сама светом, она не может ни потушить его, ни защититься от него, потому что самая малая искра света превращает тьму безусловную в тьму, пронизанную лучами этого света.

Мы молились о том, чтобы Господь вам дал веру: крепкую, не колеблющуюся веру в Него, но также крепкую и не колеблющуюся веру друг во друга. Верьте друг во друга! В этом — свет, и не бойтесь ничего. По слову одного современного писателя, сказать другому: «Я тебя люблю» — это значит сказать ему «ты никогда не умрешь»³⁷⁰. Полюбить и расти в этой любви, подвижнически, порой героически, — это значит утвердить вечное значение другого человека. Вам сейчас это не только дано, это вам поручено как подвиг.

Мы трижды обходили аналой, на котором лежало Святое Евангелие, образующее собой и слово Христово, и Самого Спасителя Христа. В центре жизни, в центре вашего шествия да будет это Евангелие, с единственной заповедью, которую дала нам Божия Матерь: *что бы Он вам ни сказал — то сделайте* (Ин 2:5). И тогда человеческое обеднение, человеческая немощь, человеческое убожество может мгновенно превратиться в глубинное, бездонное богатство Царствия Божия, как обыкновенные воды омовения в Кане Галилейской стали добрым вином Небесного Царствия.

Не бойтесь идти этим путем — узким, требовательным: перед вами шел Крест; Христос весь этот путь прошел прежде, чем Он вас призвал последовать за Собой. Он проторил дорогу, Он вас зовет не в неизвестность, Он вас зовет идти по пути, которым шествовал Сам. И больше того: Он Сам и Путь, и Истина, и Жизнь. И обетование Его, сказуемое в этом венчании вашем, то, что венцы славы вам приготовлены, и эти венцы Он хранит, чтобы их вам дать, когда вы одержите последнюю победу верности.

Да благословит вас Господь Своей благодатью. Сила Божия в немощи совершается (2 Кор 12:9): не ищите крепости, отдавайтесь в волю Божию, в Его водительство, тогда сила Божия и в вашей немощи совершится, и вы сможете опытно сказать то, что апостол Павел опытно провозгласил: *Вся нам возможна суть в укрепляющем нас Господе Иисусе Христе* (Флп 4:13). Пусть сила, и милость, и радость Божия, и крепость Божия с вами будут. Аминь.

О теле ³⁷¹

3 августа 1986 г. Мф 9:1—8

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Когда мы читаем евангельские отрывки о том, как Христос воскресил мертвого или исцелил тело человека, мы редко задумываемся о том, *что* человеческое тело означает для Самого Бога, с любовью создавшего его для вечной жизни, и *что* оно должно бы означать для нас самих. Если бы наше тело не было Богу дорого, так же дорого и нежно любимо Им, как и вечная наша душа, Бог не стал бы исцелять тело или заботиться о его вечной жизни после воскресения мертвых.

И когда мы задумываемся о человеческом теле, будь то в связи с вечностью или с временной жизнью, в связи ли с земным или с небесным, мы можем поставить себе вопрос: разве мы не получаем все наше знание о Боге или о тварном мире через тело?

С младенчества, с самого рождения нашего мы познаем нежность и любовь посредством нашего тела, задолго до того, как можем постичь что-либо умом. А затем мы возрастаем в познании, мудрости, опытности; все, чем владеет наш ум, все, что делает наши сердца такими богатыми, достигает нас через наши чувства. Апостол Павел сказал: *вера от слышания, а слышание от слова Божия* (Рим 10:17). Красоту человеческого лица и окружающего мира, всего, что человек сумел создать прекрасного и значительного, мы воспринимаем через зрение. И можно перечислить и дальше все наши чувства, которые, как дверь, открываются к созерцанию красоты и смысла тварного мира, а через него — к созерцанию вечности: вечной красоты Божией, сияющей во всем Его творении.

Вот почему с такой любовью Христос совершал исцеление тела: этими исцелениями Бог со всей силой являет вечность воплощенного бытия. Поэтому также, когда кто-то умирает, мы окружаем его или ее тело такой нежностью и благоговением. Это тело

сотворено Богом, в это тело Он вложил всю Свою любовь. И больше того: Он Сам стал Человеком, Сам Живой Бог облекся в плоть и явил нам не только, что человек так просторен, так велик, так глубок, что может соединиться с Богом, стать участником Божественной природы, но что само тело наше способно быть духоносным, поистине богоносным. Какое это диво!

И мы также видим, что Свою вечную жизнь Бог сообщает нам через вещество земли: через крещальные воды, которые становятся источником вечной жизни; через хлеб и вино, пронизанные Его Божеством, — и вот нашим телом мы приобщаемся Самому Богу в Его Таинствах. Как дивно наше тело, и с каким благоговением мы должны относиться к нему! Первоначально тело свято: оно призвано к вечному общению с Богом, так же как и душа. Оно любимо Богом. Не напрасно апостол Павел говорит: *прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших* (1 Кор 6:20). Прославляйте: дайте Богу сиять через ваше тело, как Он может сиять через вашу душу; пусть тело ваше будет таким, что соприкосновение с ним было бы соприкосновением с Воплощением, с тайной Бога, ставшего Человеком.

Задумаемся над этим, потому что часто — о, как часто! — мы не отдаем себе отчета о вечной красоте и величии нашего тела. И так часто мы думаем о смерти как о мгновении, когда бессмертная душа вступает в Божественную жизнь, а тело распадается в прах. Да, оно обращается в прах, но у него вечное призвание: оно поистине воскреснет, как воскрес Христос. И все мы однажды предстанем перед Богом воплощенными, с телом преображенным, как преображенное тело Христово, с душой, обновившейся вечностью, и будем общаться с Богом в любви, в вере и в молитве не только душой, но вместе со всем сотворенным станем причастниками Божественной природы (2 Пет 1:4) — и душой, и телом, когда, по обетованию Божию, как говорит Павел, *Бог будет все во всем* (1 Кор 15:28) и ничто не останется вне Божественного общения, Божественной Славы.

Какое это диво! Какая дивная тайна: тело — такое как будто хрупкое, такое временное — может первоначально принадлежать вечности и уже сияет вечной славой во святых. Аминь!

Об ответственности христиан за весь мир³⁷²

13 августа 1967 г. Мф 14:14—22

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Все мы все больше сознаем, что живем в мире трагическом, в мире, где происходит очень много страшного. И когда мы вглядываемся в то, что происходит, становится так ясно, что сейчас мир пожинает плоды всей человеческой неправды, совершавшейся в течение, может быть, многих столетий: неправды, с которой наши предки мирились, неправды, с которой мы легко миримся, пока она не выливается гневом на нас самих.

Мы с ужасом думаем о войне, но часто очень спокойно относимся к страшному, бесчеловечному миру, который предшествует грозе и пролитию крови. И каждый из нас несет ответственность за все страшное, что происходит вокруг; никто пусть не говорит: «Я жертва, я чист, я подвергся страданию, меня сломили события». Христианина не может сломить ничто, христианин никогда не бывает просто мертвой, бездушной игрушкой окружающих событий. В нас живет сила Господня, и если этой силой мы не творим на земле правды Божией, то мы подобны той соли, о которой Христос сказал, что

если она потеряет соленость, то ни на что больше она не пригодна, — только выкинуть ее на поприще (Мф 5:13); и таковыми мы очень часто бываем.

Мы часто замыкаемся в своей среде, стараясь создать тихую заводь, не замечая, что эта заводь в скором времени делается болотом. Мы не можем перед лицом происходящего снять с себя ответственность, которую несем вместе с теми, кто жил до нас и чьей плотью и кровью мы являемся. Мы не можем также надеяться на то, что Господь нас защитит и упасет; не для того Он создавал Церковь, чтобы она стала замкнутым, страшливым обществом людей, которые укрываются под Божие крыло. Христос создал Церковь для того, чтобы люди, облеченные Его духом, вышли в мир и ценой своей жизни, своего страдания, своих трудов, своей смерти создавали из поколения в поколение новый мир, где бы царствовала Божия правда. Недостаточно, чтобы мы знали, что сотворил Господь все: надо нам войти в Его труд и помнить, что Своим ученикам, посылаемым в жизнь, в языческий, безбожный, гниющий мир, Христос сказал, что Он их посылает, *как овец среди волков* (Мф 10:16), что Он их посылает, как Отец послал Его, для того, чтобы остаться непричастными неправде, нечистоте, оскверненности, безбожию мира, но вместе с тем в этот мир войти всей огненной любовью, всей готовностью жертвовать собой, всей силой человеческого духа, всем смирением перед спасающей Божией волей.

И каждый из нас обязан так стоять в этом мире: осуждать мир не наше дело, потому что мы несем за него бóльшую ответственность, чем те, кто творит неправду. Кому много дано, говорит Господь, с того спросится много; нам дано чрезвычайно много, и спросится чрезвычайно много. О других же Христос молился на кресте: *прости им, Отче! они не знают, что творят* (Лк 23:34).

И вот мы живем в этом мире. Христос, входя в этот мир, сказал: Я пришел спасти мир, а не судить мир (Ин 12:47), — а нас Он посылает подобно тому, как был послан Отцом: разве не ясно, как нам жить и чем? Каждый из нас в меру своих сил — пусть никто не считает их меньшими, чем они есть, — должен внести в этот мир сколько возможно любви, смирения, понимания путей Божиих, милосердия, сострадания и прощения, каждый! И каждый в силах это сделать, потому что достаточно быть обездоленным, чтобы предаться с верой Божией воле, достаточно обладать хоть чем-нибудь, чтобы разделить это с тем, у кого даже этого нет. А когда на нас находит предельная старость, когда находит болезнь, когда сил телесных уже нет, тогда все, о чем я только что говорил, остается при нас, и остается еще при нас горячая молитва, чтобы были прощены все неправды, чтобы помилованы были все люди, чтобы спасены были все.

Если мы не живем этим духом по отношению к окружающему нас миру, мы вне Христова духа, и нам нечего обманываться, к нам тоже отнесутся слова Спасителя: не всякий говорящий Мне «Господи, Господи» будет принят Отцом Моим, но те, кто будет творцами спасительного слова милости, прощения и любви (Мф 7:21). Наш мир для многих страшен, и даже многие из нас, кого не коснулась никакая страшность этого мира, со страхом живут, укрываясь от мира. Этим мы не укроемся от Божиего суда: мы должны или трудом, или молитвой, но всегда в духе Христова милосердия, во имя спасения мира — жить.

Вот что перед каждым из нас сейчас лежит неумолимым заветом Господним, поэтому соберем не только все силы духа, которых может оказаться очень мало, но и все крупинцы веры, которые в нас есть, и предадимся в руки Божии: пусть Он нами творит Свою волю. Но будем помнить, что эта воля будет всегда сотворена за наш счет, что мы должны принести жертву для того, чтобы кто-то другой получил прощение и новую жизнь. И

это — и в большом, широком масштабе, и в масштабе самых простых, близких наших отношений. Аминь.

О покаянии³⁷³

10 сентября 1972 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Хочу сказать несколько слов о святом Иоанне Предтече и о самом основном, что было в его проповеди. Он назван в церковных книгах учителем покаяния³⁷⁴. В чем же покаяние, что оно такое?

Когда мы поступаем нехорошо, когда говорим недолжное, когда темные мысли роятся у нас в голове или сходит на сердце помрачение, мы, если хоть немножко просветимся, начинаем чувствовать угрызения совести. Но угрызения совести это еще не покаяние: можно всю жизнь упрекать себя в дурных поступках и в злом слове, и в темных чувствах и мыслях — и не исправиться. Угрызение совести действительно может из нашей земной жизни сделать сплошной ад, но не открывает нам Царствия Небесного; к угрызению должно прибавиться нечто другое: то, что составляет самую сердцевину покаяния, а именно — обращение к Богу с надеждой, с уверенностью, что у Бога хватит и любви к нам, чтобы простить, и силы, чтобы нас изменить. Покаяние — это тот поворот жизни, оборот мыслей, перемена сердца, который нас обращает лицом к Богу в радостной и трепетной надежде, в уверенности, что хотя мы не заслуживаем милости Божией, но Господь пришел на землю не судить, а спасти, пришел на землю не к праведным, а к грешным.

Но обратиться лицом к Богу с надеждой, призывать Его на помощь — еще не все, потому что многое в нашей жизни зависит от нас самих. Как часто мы говорим: «Господи, помоги! Господи, дай мне терпение, дай мне целомудрие, дай мне чистоту сердца, дай мне слово правдивое!» А когда представится возможность поступить согласно нашей собственной молитве, по влечению нашего собственного сердца, у нас не хватает мужества, не хватает решимости на деле приступить к тому, о чем мы просим Бога. И тогда наше покаяние, наш взлет души остается бесплодным. Покаяние должно начаться именно с этой надежды на любовь Божию и вместе — подвигом, мужественным подвигом, когда мы себя самих принуждаем жить так, как надо, а не так, как мы жили до сих пор. Без этого и Бог нас не спасет, потому что, как говорит Христос, не всякий говорящий «Господи, Господи» войдет в Царство Божие, а тот, кто принесет плод его (Мф 7:21). А плоды эти мы знаем: мир, радость, любовь, терпение, кротость, воздержание, смирение (Гал 5:22—23) — все эти дивные плоды, которые могли бы нашу землю уже теперь превратить в рай, если бы только, как древо плодоносное, мы могли их принести.

Таким образом, покаяние начинается с того, что вдруг в душу нас ударит, заговорит совесть, окликнет нас Бог и скажет: куда идешь? к смерти? того ли ты хочешь? И когда мы ответим: нет, Господи, — прости, помилуй, спаси! — и обратимся к Нему, Христос нам говорит: Я тебя прощаю, а ты — из благодарности за такую любовь, не по страху, не ради того, чтобы себя избавить от муки, а потому что в ответ на Мою любовь ты способен на любовь, начни жить иначе.

И что же дальше? Первое, чему мы должны научиться, это принимать всю нашу жизнь: все ее обстоятельства, всех людей, которые в нее вошли — иногда так мучительно, — принять, а не отвергнуть. Пока мы не примем нашу жизнь, все без остатка ее содержание,

как от руки Божией, мы не сможем освободиться от внутренней тревоги, от внутреннего плена и от внутреннего протеста. Как бы мы ни говорили Господу: Боже, я хочу творить Твою волю! — из глубин наших будет подниматься крик: но не в этом! Не в том! Да, я готов принять ближнего моего — но не *этого* ближнего! Я готов принять все, что Ты мне пошлешь — но не то, что Ты на самом деле мне посылаешь. Как часто в минуты какого-то просветления мы говорим: Господи, я теперь все понимаю! Спаси меня, любой ценой меня спаси! Если бы в этот момент перед нами вдруг предстал Спаситель или послал ангела Своего или святого, который грозным словом нас окликнул, который требовал бы от нас покаяния и изменения жизни, мы это, может, и приняли бы. Но когда вместо ангела, вместо святого, вместо того, чтобы Самому прийти, Христос посылает нам ближнего нашего, причем такого, которого мы не уважаем, не любим и который нас испытывает, который ставит нам уже жизненно вопрос: а твое покаяние — на словах или на деле? — мы забываем свои слова, мы забываем свои чувства, мы забываем свое покаяние и говорим: прочь от меня! Не от тебя мне получать наказание Божие или наставление, не ты мне откроешь новую жизнь. И проходим мимо и того случая, и того человека, которого нам послал Господь, чтобы нас исцелить, чтобы мы смирением вошли в Царство Божие, понесли бы последствия нашей греховности с терпением и готовностью все (как мы сами говорили) принять от руки Божией.

Если мы не примем нашей жизни от Божией руки, если все, что в ней, мы не примем как от Самого Бога, тогда жизнь не будет нам путем к вечности, мы все время будем искать другого пути, тогда как единственный путь — Господь Иисус Христос.

Но этого еще недостаточно. Мы окружены людьми, с которыми отношения наши порой бывают тяжки. Как часто мы ждем, чтобы другой пришел каяться, просил прощения, унизил себя перед нами. Может быть, мы простили бы, если бы почувствовали, что он достаточно унизился. Но прощать надо не того, кто заслуживает прощения, — разве мы от Бога можем ожидать прощения заслуженного? Разве, когда мы к Богу идем и говорим: Господи, спаси! Господи, прости! Господи, помилуй! — мы можем прибавить: потому что я этого заслуживаю?! Никогда! Мы ожидаем от Бога прощения по чистой, жертвенной, крестной Христовой любви. Этого же и от нас ожидает Господь по отношению к каждому нашему ближнему; не потому надо прощать ближнего, что он заслуживает прощения, а потому, что мы — Христовы, потому, что нам дано именем Самого Живого Бога и распятого Христа — прощать.

Но часто кажется: вот, если бы только можно было забыть обиду, тогда бы я простил, но я забыть не могу, — Господи, дай мне забвение! Это не прощение: забыть не значит простить. Простить означает посмотреть на человека, как он есть, в его грехе, в его невыносимости, какой он есть для нас тяжестью в жизни, и сказать: я тебя понесу, как крест, я тебя донесу до Царствия Божия, хочешь ли того или нет. Добрый ты или злой — возьму я тебя на свои плечи и принесу к Господу и скажу: Господи, я этого человека нес всю жизнь, потому что мне было жалко — как бы он не погиб! Теперь Ты его прости, ради моего прощения! Как было бы хорошо, если бы мы могли так друг друга тяготы носить, если бы мы могли друг друга нести и поддерживать: не стараться забыть, а наоборот — помнить. Помнить, у кого какая слабость, у кого какой грех, в ком что-то неладно, и не искушать его этим, оберегать его, чтобы он не был подвергнут соблазну в том именно, что может его погубить. Если бы мы так могли относиться друг ко другу! Если бы, когда человек слаб, мы его окружали заботливой, ласковой любовью, сколько людей опомнились бы, сколько людей стали бы достойны прощения, которое им дано даром...

Вот это путь покаяния: войти в себя, встать перед Богом, увидеть себя осужденным, не заслуживающим ни прощения, ни милости, и вместо того, чтобы, как Каин, бежать от лица Бога (Быт 4:3—16), обернуться к Нему и сказать: верую, Господи, в Твою любовь, верую в Крест Сына Твоего, — верую, помоги моему неверию! (Мк 9:24). И затем идти путем Христовым, как я теперь говорил: все принять от руки Божией, из всего принести плод покаяния и плод любви и первым делом брата нашего простить, брата нашего, не ожидая его исправления, понести, как крест, распяться, если нужно, на нем, чтобы иметь власть, подобно Христу, сказать: прости им, Отче! они не знают, что творят (Лк 23:34). И тогда Сам Господь, Который сказал нам: какой мерой вы мерите, и вам возмерится (Лк 6:38), прощайте, как Отец ваш Небесный прощает, — в долгу не останется: Он простит, исправит, спасет и уже на земле, как святым, даст нам радость небесную.

Пусть будет так, пусть начнется в жизни каждого из нас сегодня, сейчас хоть немножечко этот путь покаяния, потому что это уже начало Царствия Божия. Аминь.

О войнах³⁷⁵

Август 1968 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Снова на многоскорбной, страдальческой нашей человеческой земле чаша гнева, чаша скорби, чаша страдания человеческого доходит до краев и снова переливается через край. И мы не можем оставаться безучастными к той скорби, которая сейчас охватывает тысячи и тысячи, миллионы людей. Перед нашей христианской совестью снова встает страшно, требовательно слово Божие или, вернее, образ Самого Христа, Который стал человеком, Который вошел в наш мир, Который приобщился не славе и не добродетели, а стал братом и угнетенных, и грешников.

Солидарность Бога с человеком не разорвала Его солидарности с Отцом; и здесь перед нами образ, который нам так трудно воспринять и который еще труднее осуществить: образ Того, Который захотел быть единым и с правыми, и с виноватыми, Который всех охватил единой любовью, любовью крестной скорби по отношению к одним и любовью радости и — снова — жертвы крестной по отношению к другим. Сейчас в сознании многих людей встает образ гнева, и в этом образе выбираются одни и исключаются другие, в этом переживании правды, сочувствия и сострадания сердца человеческие выбирают одних и проклинают других. И это не путь Христов и не наш путь, наш путь в том, чтобы одной любовью, в сознании и в переживании ужаса, охватить и тех, и других, обнять — не сочувствием, а состраданием, не соглашением, а сознанием того *ужаса*, перед которым стоит неправда, и перед крестом, перед которым стоит правда.

И я призываю всех вас, перед лицом всего того, что сейчас совершается в мире, снова посмотреть на то, каково же наше стояние христианское, где наше место на этом разрыве ткани, где льется кровь, слезы, ужас, — и понять, что наше место на кресте, а не только у креста.

Часто думается: что мы можем сделать? Сердце разрывается любовью к одним и сочувствием к другим: что мы можем сделать, когда мы бессильны, безмолвны, бесправны? Мы можем стать перед Господом в молитве, в той молитве, о которой говорил старец Силуан, что молиться за мир — это кровь проливать. Не в той легкой молитве, которую мы возносим из успокоенности нашей, а в молитве, которая рвется к небу из бессонных ночей, в молитве, которая не дает покоя, в молитве, которая рождается от

ужаса сострадания, в молитве, которая не дает нам уже жить ничтожностью, пустяками нашей жизни, в молитве, которая требует от нас, чтобы мы наконец поняли, что жизнь глубока и что мы постоянно мечемся недостойно нашей жизни, недостойно себя, недостойно Бога, недостойно той скорби и той радости, той крестной муки и той славы Воскресения, которые постоянно чередуются и переплетаются на нашей земле.

Недостаточно слегка посочувствовать, недостаточно говорить о том, что «мы ничего сделать не можем»: если бы мы стали в такой молитве, если такое наше сострадание исключило бы из нашей жизни все то, что слишком мелко для того, чтобы стать перед лицом ужаса земли, то мы стали бы людьми, достойными Христа, и тогда, может быть, наша молитва тоже вознеслась бы, как пламя сожигающее и просвещающее, тогда, может быть, вокруг нас не было бы той косности, того безразличия, той ненависти, которые вокруг нас живут и процветают, потому что мы ничему злему помехой не являемся там, где мы есть. Перед лицом того, что делается, перед Крестом, перед смертью, перед душевной агонией людей произнесем суд над мелкостью, ничтожностью нашей жизни — и тогда мы что-то сможем сделать: молитвой, образом нашей жизни и, может быть, даже чем-нибудь более смелым и более творческим.

Но будем помнить, что Христос не выбирал; Христос умирал, потому что гонимы праведники и потому что погибают грешники. Вот в этом двойном единстве с людьми, которые вокруг нас, в этом двойном единстве с праведником и с грешником будем молиться о спасении того и другого, о милости Божией, о том, чтобы слепые прозрели, чтобы правда водворилась, но не суд, а правда, которая ведет к любви, к торжеству единства, к победе Божией. Аминь!

О событиях в Москве 19—22 августа 1991 г. ³⁷⁶

25 августа 1991 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Снова пронеслись над многострадальной, трагической нашей Родиной грозные дни. И не случайно, как отметил Святейший Патриарх, именно в день Преображения Господня началась та трагедия, которая могла погубить десятилетия русского будущего.

Преображение Господне, с одной стороны, говорит нам о трагедии. Пророки Моисей и Илия явились ученикам Христа, говоря с Ним о крестном конце Его жизни (Лк 9:30—31). Но, с другой стороны, Преображение тоже есть обещание. Христос явился во всей славе преображенного человечества. Он явился Своим ученикам таким, каким призван быть всякий человек. И прежде креста и последней победы ученики и Христос сошли в равнину, где ожидала их человеческая трагедия. Да, не напрасно отметил Святейший Патриарх, что этот праздник был праздником трагедии, но и провозглашал победу и свет.

Мы будем молиться сейчас, после отпуска. Сначала принесем Богу благодарение за то, что страшная буря, пронесшись над Русской землей, разнесла те устои порабощения, бесправия, жестокости, которые старались там восторжествовать, и что сейчас мы можем говорить о свободе, говорить о новой возможности, говорить о новых путях для всех народов нашей земли. Будем молиться, благодаря Бога за то, что эта буря в ее самом ужасном пронеслась, но будем помнить, что буря скрывается, расходится не просто, не без человеческого труда. Сейчас нам, за границей находящимся, надлежит молиться, молиться с новым усердием, молиться с новой силой любви о нашей далекой Родине, которую некоторые из нас потеряли еще в детские годы и которая все еще живет в наших сердцах, как свет, как любимая. Но будем молиться также о том, чтобы и будущее

постепенно оздоравливалось, чтобы постепенно возрождалась жизнь нашей страны, чтобы пришло к концу все то, что разбивает людей, — не только коварство, не только насилие, но взаимное недоверие, отчужденность, холодность сердечная.

И вот тут, мне кажется, чрезвычайно важно, чтобы русский народ сейчас не забыл сознания единства, не забыл ликования о том, что все слились в единое чувство, что воля у всех была одна, что вдруг все преграды между людьми, всякая рознь растворились, что каждый в каждом увидел брата, сестру, друга, сотрудника, воина, который на одном с ним поле битвы сражается за последние и предельные высоты. Мне кажется, что сейчас вопрос именно так стоит в России: не разойтись на партии, не разойтись на группировки, не начать смотреть друг на друга, как бы забывая, кем был ваш соратник. Знаете, как бывает: ночью смотришь на светлячка — он весь сияет светом, а наутро посмотришь — червяк. И вот в этом есть страшная опасность для всех сейчас: увидев в другом человеке сияние светляка, на следующий день вдруг его не узнать, увидеть только его обыденность и безынтересность. Тут надо сплотиться, тут надо помнить единство, которое было пережито, тут надо его держать сознанием, силой и вместе, соборным умом, строить новую жизнь.

Будем молиться, чтобы тот огонь, который прошел сейчас по нашей земле, зажег человеческие сердца, чтобы теперь было положено начало новой жизни. А жизнь дается подвигом — во имя того, чтобы рассеялась ненависть, чтобы рассеялась подозрительность, чтобы все люди доброй воли сотрудничали друг со другом на созидание новой Святой Руси. Аминь.

О послании Патриарха Алексия к молодежи³⁷⁷

17 августа 1991 г.

Я перечитывал послание, обращенное Патриархом Алексием к молодежи, и меня поразило — до чего то, что говорит Патриарх, молодо и живо. Не напрасно говорит он о том, что христианство омолодило жизнь, что когда вы обращаетесь к старцу, к человеку, умудренному опытом, который погружен в Бога, то чувствуете в нем молодость, а не количество лет. Это голос молодости. И это послание напоминает мне нечто о Церкви. Один из самых древних писателей, Ерм, который жил во II веке, рассказывает о своем видении: перед ним стала молодая женщина, с головой, покрытой седыми волосами. Лицо у нее было, как у девы, а волосы — как у ветхой старушки. Ерм обратился к ней с вопросом: «Кто же ты такая?» — «Я — Церковь Христова», — отвечала она. «Каким же образом ты лицом так молода, а волосы у тебя седые?» И она ответила: «Во мне вся молодость Божия и вместе с этим вся мудрость Его».

И мне кажется, что этот образ Церкви замечательно явлен — в свою меру — и в послании Патриарха. В нем чувствуется молодость духа человека, умудренного жизнью; говорит он и твердо, и смело, и вместе с тем так ласково. Он предупреждает молодежь российскую, что общество, в котором она будет жить, более жестокое, чем было прежде. Люди наверно будут изумляться: как это возможно? Разве не было достаточно трудностей в прошлом обществе? Да, они были, они были порой страшные, но они были внешние. От внешних трудностей, от жестокостей властей, от обстоятельств жизни можно действительно пострадать телом, душевно измучиться, но Христос говорит: не бойтесь тех, кто может убить тело, а тех, кто может убить душу (Мф 10:28).

И проблема, которая ставится теперь перед молодежью и вообще перед всем обществом российским, заключается в том, что внешнее давление, внешнее принуждение,

порабощение уходит на нет, но встает другой вопрос, может быть, более трудный для разрешения: как справиться со свободой? Как научиться быть свободным человеком, как научиться принимать решения, как научиться быть ответственным за жизнь других и за жизнь общества, того отечества, которое нам так дорого, за тех людей, которые нам порой дороже самих себя? И вот тут действительно свобода должна понудить нас к действию, к выбору, к непрерывному творчеству. Вопрос не в том, чтобы научиться выживать, а в том, чтобы научиться строить новый мир, а этот новый мир с точки зрения христианина (и даже не христианина, а просто человека, верующего в жизнь) должен быть больше, чем материальный мир. Для верующего человека градус человеческий должен стать так глубок, так широк, как градус Божий, где не только человек мог бы жить, но где мог бы жить и действовать Бог, превращая все земное в нечто гораздо большее.

И тут все мы, как и остальные люди во всем свете, должны встретиться с вопросом очень страшным. Патриарх говорит о том, что новое общество будет создаваться в условиях духовной разрухи. Эта разруха наблюдается везде, но в России, может быть, больше, чем где-либо, потому что духовность десятилетиями выкорчевывали, разрушали, уничтожали. Духовность не заключается в возвышенности идей или чувств, духовность заключается в том, чтобы просто дать человеческому духу строить жизнь и дать простор Духу Божию как бы дуновением в парус эту жизнь двигать.

Русская Православная Церковь может, конечно, в этом помочь тем, что будет провозглашать пути Божии в отличие от человеческих путей, и порой эти пути очень не похожи на пути человеческие. Пророк Исаия говорит от имени Божия: Мои пути — не ваши пути, мысли Мои — не ваши мысли; Мои пути настолько выше ваших путей, как Мои мысли выше мыслей ваших (Ис 55:8—9). И поэтому надо вырасти, надо перерасти себя в понимании судеб земли, понимании истории: не таком понимании, которое давалось до сих пор, а совершенно ином, богатом смыслом, творческом, с будущим; причем не будущим ближайших десятилетий, а будущим, которое раскрывается на вечность и духовно заключается именно в том, чтобы жить той правдой, о которой мы тоскуем. Потому что легко тосковать о правде, легко голодать — но надо научиться голод этот удовлетворять тем, чем он может быть удовлетворен, то есть любовью, отдачей себя для других, самозабвением, потому что, только когда мы можем о себе забыть, мы можем вдруг увидеть, как мир глубок, как мир осмыслен.

И нас призывает Патриарх к омоложению. Это замечательный призыв. По отношению ко мне Патриарх еще молод, но и я, и другие люди значительно старше его и гораздо старше вас, можем говорить об омоложении. Я недавно читал, как протестантский пастор вывесил у себя в кабинете надпись: «Мы все рождаемся ветхими, и задача жизни — так прожить, чтобы умереть молодым». Это кажется абсурдом, а на самом деле подумайте: мы все рождаемся с тысячелетним наследием. Наша наследственность коренится в древности и в той близкой современности, которая нас формировала. Мы оформлены воспитанием, семейным бытом, психологией действий наших родителей, окружающих, всей обстановкой жизни.

Мы рождаемся уже готовыми к тому, чтобы быть ветхими, обветшалыми через приобщенность прошедшим столетиям. И вот задача жизни в том, чтобы высвободиться от этого и стать живыми — живыми такой молодостью, какой мы не имеем при рождении, потому что при рождении мы уже обусловлены, а мы должны научиться жить необусловлено всей полнотой жизни, которую нам Господь Бог даровал.

И для этого перемены, которые происходят сейчас в России, очень значительны. Как говорит Патриарх, было время, когда люди боялись открываться всем, но зато до конца

раскрывались перед немногими близкими. Люди испытывали голод правды, нехватку информации, но зато до глубины души, честно переживали каждую крупницу правды — вот этого как бы не потерять, как бы сохранить этот голод, как бы не стараться этот голод утолить чем-то меньшим, чем то, что ему соответствует. Я сам, когда был молодым, вдруг почувствовал этот голод, почувствовал, что жизнь никакого смысла для меня не имеет, если только в ней нет содержания и цели, которые ее как бы превосходят. Я помню, как пятнадцатилетним мальчиком я подумал, что если не найду смысла жизни (я тогда о Боге ничего не знал), то жить не стану, и дал себе год: если не найду смысла жизни, то покончу с собой. И в течение этого года Господь мне открылся — и в тот момент жизнь стала Жизнью, ликующей, победоносной силой, и с тех пор и доныне я знаю, что нет иного смысла в жизни, кроме как жить этим вместе с другими, и что это не только мировоззрение, это сама жизнь, это Бог, открывающийся нам и открывающийся в нас самих.

И вот мы должны возлюбить жизнь: возлюбить жизнь с готовностью (это может показаться странным) жизнь свою отдать для того, чтобы другие могли ожить. Мы должны научиться перерасти свою ветхость в такую молодость, которая не боится ничего. Когда мы бываем детьми, молодыми, мы не думаем о том, чем может стать для нас смерть или как дорого может нам обойтись великодушие. Вот этому нам надо научиться вновь: вновь научиться милосердию, научиться любви, научиться не бояться людей, нуждающихся в нашей помощи, как говорит Патриарх, научиться отдавать себя до конца, и только тогда окажется, что в нас исполняются слова Христа: *радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна* (Ин 15:11).

Прочтите вновь и вновь это послание, вслушайтесь в него, продумайте свою жизнь в контексте опыта человека, который прошел весь ужас шестидесятилетней жизни под гнетом и вышел из нее — живым, молодым, способным строить жизнь, других к ней призывать и другим ее давать.

Панихида по морякам, погибшим на подводной лодке в Баренцевом море

Август 2000 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы сейчас отслужим панихиду по всем тем, кто погиб в подводном судне несколько дней тому назад. Будем молиться о том, чтобы Господь, попустивший такую страшную смерть, смерть, которая была связана для них с ужасом, с отчаянием, с физическим страданием, с тоской по родным, — чтобы Господь теперь дал упокоение, невзирая на то, были ли они верующие или неверующие, потому что Христос стал человеком для того, чтобы спасти всех нуждающихся в спасении. И когда мы говорим, что Христос сошел во ад и вывел из ада всех там находящихся, мы говорим о том, что ни один неверующий не остался без милости Божией, без Его сострадания.

Будем молиться сейчас о том, чтобы те, кто умер в таком телесном страдании, в такой тоске душевной, в таком ужасе, что они никогда больше не увидят самых родных и любимых, чтобы они теперь успокоились вечным покоем и могли бы вознести *свои* молитвы о том, чтобы те, кого они оставили полными боли, горечи, нашли бы утешение, непостижимое для нас, но которое только Господь может дать.

Будем стоять, как в пасхальную ночь, с зажженными свечами, провозглашая, что мы *верим* в воскресение, что мы верим, что придет время, когда все мы будем живыми стоять перед Богом, воспевая победу жизни над смертью. Пусть эти свечи свидетельствуют, что погибшие будут для нас примером и светочем в жизни, что мы никогда не забудем их в молитве. Пусть, как свечи, горит в нас сострадание к тем, кого они оставили: к матерям, женам, детям, друзьям, соратникам и ко всей Русской многострадальной земле. Аминь.

День всех святых, в земле Российской просиявших³⁷⁸

2 июля 1967 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сегодня мы празднуем память всех святых, в земле Российской просиявших: людей, которые нам по крови близки, чья жизнь переплелась с самыми решающими событиями нашей истории, людей, которые, как говорится в праздничном тропаре, являются богатым, прекрасным плодом сеяния Христова. Святость человеческая многообразна, она отражает все богатство земных и небесных возможностей человека. Но каждый народ выделил в бесконечном богатстве личности Всечеловека Христа черты святости, которые его сердцу ближе, наиболее понятны, которые для него более осуществимы. В сонме русских святых, мне кажется, можно выделить три характерные черты русской святости: не в том смысле, что они отсутствовали у других народов, а в том смысле, что эти именно свойства были восприняты и возлюблены в нашей родной земле.

Первая — бесконечное терпение. Святой апостол Петр говорит, что Бог не медлит Своим судом, а терпит (2 Пет 3:9), Он ждет, потому что Он любит, а любовь всему верит, на все надеется, всего ожидает и никогда не перестает (1 Кор 13:1—8). И вот это свойство Христовой терпеливой, бесконечно ожидающей любви, которое так дорого Ему обходится, — потому что терпение означает готовность продолжать выносить, пока не осуществлена воля Божия, ужас, и безобразие, и страшные картины земли, — это терпение Господне находит свое выражение и в наших святых: не только изумительной выносливостью и выдержкой в подвиге, но и такой открытостью сердца, которое никогда не отчаивается о судьбе грешника, такой открытостью сердца, которое каждого принимает, которое готово последствия этой терпеливой любви нести на себе не только подвигом, но и страданием и гонением, не отворачиваясь от гонителя, не отрекаясь от него, не выбрасывая из своей любви, но с готовностью, как говорит апостол Павел, погибнуть даже в вечности, только бы спаслись те, которым нужно спасение (Рим 9:3).

Другое свойство, которое поразило в Христе русский народ, это величие Христовой униженности. Все языческие народы искали в своих богах образ того, чем мечтали сами быть — лично, каждый человек, и вместе, весь данный народ: они выделяли славу, выделяли власть, могущество, доброту, справедливость. И даже те боги древности, которые погибали ради народа, погибали героической смертью и восставали немедленно в славе.

Но явление Божие во Христе — иное; выдумать Его было нельзя, невозможно, ибо таким никто Бога не мог бы себе представить: Бога, Который делается униженным, побежденным, Бога, Которого народ окружает насмешкой и презрением, прибав ко кресту, издеваясь над Ним. Таким Бог мог явить Себя Сам, но выдумать Его таким человек не только не мог, но и не захотел бы, особенно если помнить слова этого Бога о том, что Он дает пример, чтобы мы были таковы, каков Он был (Ин 13:15).

И вот этот образ униженного Христа, этот образ Бога пораженного, Бога побежденного, Бога, Который так велик, что Он может вынести и последнее надругание, оставаясь во всей славе и величии Своего смирения, русский народ возлюбил, и теперь любит, и теперь осуществляет.

И третья черта, которую мне хочется отметить, которая мне кажется общей всем русским святым, это то, что на протяжении всей русской истории святость совпадает с явлением и проявлением любви.

Типы святости чередовались на нашей земле: были отшельники и были монахи, живущие в городах, были князья и были епископы, были миряне и подвижники всякого рода — не забывая и юродивых. Но все они появлялись не случайно, а в тот момент русской истории, когда в том или другом образе подвига можно было яснее явить любовь свою к Богу и любовь свою к людям. И это — одна из радостей нашей трагической и часто темной и страшной истории: что во все ее эпохи — были ли они светлые или мрачные — красной нитью, золотым узором бежала эта струя Божественной любви, и что где приумножался грех, там преизбыточествовала благодать (Рим 5:20), и где возрастала человеческая жестокость, там проявлялось новое свидетельство Божией любви, загоревшейся в человеческих сердцах, свидетельство жалости Божией, жалости человеческой.

Наши святые — нам родные и близкие, но если мы задумаемся над собою, то можем ли мы сказать, что эти черты являются возделением, мечтой наших душ, жаждущих вечной жизни? Не ищем ли мы обеспеченности — а не уязвимости, силы — а не пораженности, славы — а не унижения? Является ли наша жизнь во всех или хотя бы в основных ее проявлениях любовью, воплощенной в человеке? Находим ли мы в себе это бесконечное, ничем несокрушимое терпение, эту смиренную любовь к ближнему, эту отдачу себя, эту способность никого не отвергать, а, по слову Христову, благословлять всякого (Мф 5:44), любовью сиять на доброго и на злого, проявлять ту любовь, о которой апостол Павел нам говорит (1 Кор 13:1—8)?

А если не находим, то мы — вне потока русской святости, вне пути Христова в русской душе и в русской истории. Тогда мы осколок, отбросок. Как это страшно и жалко подумать! И если мы хотим, чтобы зазвенели все струны наших душ человеческих, чтобы зажило в нас и запело все, что может жить и петь песнь Господню, хотя бы и на земле чужой, то мы должны приобщиться именно этим свойствам русской святости, русской святой души, и тогда мы будем едины с теми подвижниками, которые ныне продолжают свой путь спасения земли Русской — кровью и неугасающей любовью. Аминь.

День новомучеников и исповедников Российских

11 февраля 2001 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы празднуем сегодня один из самых великих дней жизни нашей родной Русской Церкви — день, когда вспоминаются все мученики, исповедники современности, герои духа, все те, кто на нашей земле не только жизнь посвятил служению Богу, но остался верен до смерти, жизнь и смерть отдал в Его славу.

Мученики, исповедники Российские являются славой русской земли перед лицом Божиим, свидетелями того, что в самые страшные, темные годы нашей истории, издревле и до сих пор, были *сонмы* людей, мужчины, женщины, дети, которые так Ему

поверили, так отдали себя в Его руку на служение, что до смерти остались Ему верными. Сонм древних и новых мучеников и исповедников сияет перед лицом Божиим как свидетельство о том, что наша русская земля не погибла во тьме веков. И как мы должны быть благоговейно благодарны за их подвиг, за величие их души, за дерзновение их жизни, но каким вызовом является их жизнь для нас. Мы живем жизнью серой, часто без подвига внутреннего, и, конечно, без внешнего подвига. Но можем ли мы удовлетвориться тем, что мы живем под покровом Божией Матери, под защитой Христа, Который Свою жизнь отдал за нас? Так ли мы отвечаем на любовь Божию? Подумайте, подумайте, что это значит: Бог так возлюбил мир, что Он Своего Сына Единородного отдал на смерть для того, чтобы мы поверили в Его любовь, поверили в Его учение, последовали за Ним и стали достойными себя самих и той любви, которую Бог нам подарил. Отдать Своего собственного Сына на смерть для другого человека — это самое великое, что человек может совершить. И вот таков наш Бог. И наша русская земля *ответила* на эту любовь Божию, отдав себя. Тысячи и тысячи людей жили достойно этой любви, и тысячи и тысячи людей умерли достойно этой любви. Их память мы сегодня совершаем. И их память мы должны совершать не только тем, чтобы ликовать о них, чтобы дивиться на них, а тем, чтобы, взглянув в их жизнь, стать подобными им, отдать свое сердце, отдать свою жизнь для служения Тому Богу, Который нас научил *такой* любви, о которой я только что упомянул. Перед тем как я дам благословение, мы посередине церкви совершим молебен новомученикам Российским, страдальцам Российским, и вместе с этим будем вспоминать и тех, имена которых нам неизвестны. Тысячи и тысячи людей. По подсчету одного ученого, шестьдесят миллионов русских погибло в лагерях и на войне за последние пятьдесят лет. Имена их неизвестны, мы не знаем даже, были ли они верующие в том героическом смысле, к которому новомученики нам указывают путь. Но мы можем о них думать, что они по любви к Родине, по любви к родным, по любви к правде отдали свою жизнь. И это Господь наш принимает как жертву веры, веры в человека, в которого Он так поверил, что Своего Сына отдал на смерть ради его спасения.

Поэтому соберемся через несколько мгновений на середину церкви, воспоем славу героев духа, которые являются оправданием и славой нашей родной земли, будем молиться о том, чтобы они нас не оставили своими молитвами и покровом, и положим начало жизни, достойной тех людей, которых мы так почитаем. Аминь.